

Надежда Волкова

Я ВЫБИРАЮ СОЛНЦЕ

16+

Надежда Волкова
Я выбираю солнце

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Волкова Н.

Я выбираю солнце / Н. Волкова — «ЛитРес: Самиздат», 2020

История юной художницы Златы Воронковой начинается в Москве середины восьмидесятых. Девочка ещё не догадывается, что такой простой и понятный мир может рухнуть в одночасье. Под его обломками останутся честолюбивые планы, доверие к близким и первая любовь. С подслушанной семейной тайны начинается череда непоправимых ошибок. Стремительное взросление выпадает на неразбериху девяностых и приводит к трагедии. Почему чёрное и белое вдруг поменялись местами? Как с этим жить? Кто виноват, что мечтам не удалось сбыться? Ответы на эти вопросы Злата ищет всю жизнь.

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	12
Глава третья	19
Глава четвёртая	23
Глава пятая	27
Глава шестая	31
Глава седьмая	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Для обложки использована работа Марины Стояновой
Все события и персонажи вымышлены. Любое сходство с реальными событиями случайно.

Кому уготован ад?

Кому уготован рай?

Так сильно ли ты виноват?

Попробуй-ка, осознай.

Поступков плохих штрихи

У каждого есть в избытке.

Быть может, твои грехи

Всего лишь твои ошибки.

Глава первая

Мать она не помнила. Наивная детская память сохранила только белокурую принцессу – царевну, склонившуюся к её лицу. Мягкие волосы пощекотали щёчку, лобик, Злата недовольно поморщилась. Мама обняла её тонкими руками, прижала к синей юбке и сказала:

– Хорошо веди себя, ладно? Бабулю с дедулей слушайся.

– А папу?

– И папу. Ты же у нас хорошая девочка?

– Хол-лошая, – старательно выговорила Злата, пытаясь вывернуться из рук матери. В комнате ждали новенькие фломастеры. Яркая коробка с ровными рядами солдатиков в разноцветных шапочках гораздо увлекательнее, чем липкие поцелуи.

Мама скользнула губами по макушке дочери и ушла, исчезла из Златкиной жизни навсегда, оставив едва уловимый шлейф цветочного аромата. Поначалу она ждала её, но, заласканная и залюбленная близкими людьми, быстро переключилась на другие дела. Их кругом сколько угодно: порисовать, побегать-попрыгать, картинки в книжках полистать. Скучать некогда, тем более сидеть и ждать. Она уже большая девочка.

Потом папа стал хмурым и со Златой не играл. Сядет на стул, обнимет сильно-пресильно и раскачивается. Ей это не нравилось, куда как веселее подпрыгивать у него на коленках или кататься на плечах, и ни капельки не страшно. Папа держит крепко, двумя руками, ты тянешься к переливающимся сосулечкам люстры, они дзынькнут и серые волны торопливо побегут по потолку. А бабуля начала плакать, всё время плакать. Отмеряет вонючие капли в чашку, а у самой руки трясутся. И причёску больше не делала, раньше-то она её взбивала быстро-быстро, танцующей расчёской повжикает в волосах и сразу целая копна на голове. Потом брызнет лаком из большого флакона, а он вкусно пахнет, взросло и Злата картаво выпросит: «ну один разочек, ну, бабу-улечка, красоту-улечка...». Бабуля всегда давала на кнопку надавить, восторг! Но остался только тяжёлый, приторный запах валерьянки, его Злата запомнила на всю жизнь, запах слёз и горя. Дедуля ругался на папу, на бабулю, но никогда на Солнышко, колючие слова к Злате не относились, это она знала. Он покричит, покричит, возьмёт её на руки и в кабинет уйдёт. Дверью хлопнет, аж в ушах звенит, потом тяжело провалится в кресло, усадит Злату на жёсткое колено и вздохнёт со свистом. А лицо красное, как будто набегался. Она и спрашивала, пытливо заглядывая ему в глаза:

– Набегался?

– Набегался, набегался..., все мы теперь побегаем.

И опять присвистывает.

После она целый год жила у Бабани в деревне. Вот уж где воля и счастье! Пахло там всегда по-другому – сдобой круглый год, запашистыми травами, как гирляндами развешанными в сенцах. Летом свежестью росного утра, ароматом варенья и чем-то неуловимым. Зимой по дому плыл терпкий печной дух, дрова потрескивали, иногда там что-то щёлкало и Злата подпрыгивала от неожиданности. Верила, домовой балует, так Бабаня говорила. Домовой этот запросто мог плохих детей утащить в печку, а Злата очень даже хорошая. И ручки-то она мылит старательно, вещички свои на стульчик складывает, ест, пьёт и не «выкобенивается», только косится на печку, да бормочет – хор-рошая девочка, хор-рошая. А сказок сколько услышала про домового – не счесть! Но не это главное.

Андрю-рю-рю. Потом она стала его так называть, когда он же и учил её «р» выговаривать.

Папа оставил Злату и поспешил на электричку, помахал рукой от калитки, а сам грустный-прегрустный. Она тоже попечалилась, но не долго, и принялась скакать на одной ножке у крыльца. Пробежалась по грядкам в огороде, заглянула под лопушистые листья и нашла махонький, с жёлтеньким цветочком, огурчик. Сорвала, заодно и плеть выдернула, где мота-

лись такие же, с пальчик, братцы-огурцы. Схрумкала всё и понеслась дальше, изучая, осваивая, замирая от стольких деревенских чудес. Немножко устала и присела на корточки возле птичника. Наседка суетливо квохтала, созывая цыплят, пушистые жёлтые комочки на тонких ножках, попискивая, летели со всех сторон. Юрко прятались под рябеньким куполом, с разбега ныряли в перьевую глубину. Что там, внутри? Мучил её этот вопрос. Вот бы, залезть посмотреть!

Косая длинная тень накрыла и клушку, и Злату. Она подняла голову и обернулась, взгляд уткнулся в синь под выгоревшими ресницами. Россыпь веснушек щедро разбрызгана по лицу с пуговкой носа посередине. Соломенные волосы ершились на макушке, сбрасывая на лоб ровный, под линейку отрезанный, чубчик. Смешно оттопыренные уши, прозрачно-розовые в солнечном свете, такие нежные, что Злата встала и невольно потянулась потрогать. Голова незнакомца чуть отпрянула, но никуда не делась, а ухо оказалось обыкновенным, жёстким, ребристым. Она снова посмотрела на него через солнце – нет, розовое, волшебное.

– Ты кто? – спросила Злата.

– Андр-рей.

– Знаешь, что там? – махнула рукой на курицу.

– Мамка она ихняя. Прячет.

– Как?

Андрей пожал плечами и с осторожностью провёл ладошкой по Златкиному встрёпанному золотисто-рыжему облачку. Выдохнул шумно – вот это да-а!

Потом они чаёвничали с вишнёвыми пенками. Толсто намазывали на ломоть белого хлеба и жмурились от удовольствия, а Бабаня подкладывала пенки с пойманными вишнями и приговаривала:

– Вот и веселее вам будет. Чай, не чужие и мне сподручнее. Ты старший, Андрюша, она у нас егоза-стрекоза, пригляди, пока на работе.

Андрюшина голова важно мотнулась, а Златка хихикнула, потому что от пенок рот у него был цвета таинственных ушей на улице.

Бабаня ушла в магазин, они тихо-мирно сидели в птичнике. Пристроились на маленьких деревянных стульчиках возле шерботой ванны, смотрели, как ныряют подросшие утята. Нырк, нырк, головка вниз, вверх, опять вниз. И лапки плюх-плюх.

– А цыплята плавать умеют? – спросила Злата.

– Ты что? Они же... цыплята!

– А-а.

Заботливая наседка проворно копошилась в притоптанной земле, детки поглядывали на неё бусинками глаз и повторяли точь-в-точь. Покопаются, пошерудят лапками, что-то клюнут и запрокинут голову вверх. Смешные.

Недолго думая, Злата подскочила со стульчика, быстрой рукой схватила мягкий комочек и со всего маху швырнула в ванну: не умеет, так пусть научится. Бульк... И нет его, сразу на дно.

Переполошенная курица запричитала, заохала гортанно, тревожно, созывая потомство, цыплята юркнули под мамку. Андрюша охнул, сунул руку в воду, нащупал, достал... Златкины глаза распахнулись испуганно – хрупкое бездыханное тельце, слипшийся грязный комок на ладони с мутной белёсой плёнкой вместо бусинок. Длинные ножки со скрюченными лапками, безнадежно не живые.

– Ах, ты стервец! Что ж ты делаешь, а?.. Что ж ты...! – окрик Бабани застал врасплох.

Андрюша выронил цыплёнка, в следующий миг крепкая мозолистая рука ухватила его за ухо.

– А ну, марш отсюда! Разбойник, я т-те покажу, я т-те покажу!

Бабаня потащила насупившегося мальчишку к дому и воткнула в угол у крыльца. Пыхтя и бранясь, поднялась в сенцы, а притихшая Злата пристроилась возле брата, сама себя наказала. Молча стояла, опустив голову: и цыплёнка жалко, и Андрюшу. Робко взяла его за руку, в ответ крепкое, даже больно стало, пожатие.

В то первое лето ещё один памятный случай был. Пятнистая Муська принесла троих котят и они с Андрюшей лазили под крыльцо посмотреть, погладить разномастных пушистиков. Кошка шипела, фыркала, а сама такая тощая стала, что Бабаня говорила удручённо:

– Всю высосали, всю.

И уж так жалко Муську, так жалко, решили её подкормить. А для худышек лучше всего козье молоко, это Злата хорошо усвоила.

– Пей без разговору, – сурово хмурилась Бабаня. – Вон, на брата глянь, крепенький, сбитенький, боровичок. А ты на кого похожая, а?.. Воробушек. Пей, пей, от его одна польза.

Хоть и противно, но пила, цедила сквозь зубы вязкую белую жидкость, пахнущую козой, чтобы как Андрюша быть.

Бабаня с баб Маней с утра стояли в очереди у магазина, прихватив с собой внуков. Тотального дефицита ещё не было, но сахар в вареничный сезон уже выдавали по спискам. Женщины толпились у деревянного домика, обмахивались сложенными газетами, лениво перекидывались деревенскими сплетнями. Жарко, муторно, пыльно в деревне. Солнце прилипчивое, поджаривает со всех сторон, спрятаться охота.

Дети сидели на бетонной приступочке, ковыряли палочками в спёкшейся от зноя грунтовой дороге. Запасаться сахаром дело ответственное, они это знали, как и странное слово «посписка» (по списку).

– Зинаида, – окликнула баб Маня толстую продавщицу. Та гремела здоровым амбарным замком, отворяя обшарпанную дверь сельпо. – По сколь сегодня?

– По пять, – не оборачиваясь, басовито ухнула Зинаида.

– Мои-то северяне послезавтра приедут, на их положено.

– Тётъ Маш, разрядка у меня. На мальчика выдам, ни грамма больше.

– А куда-то сахар весь подевался? – ехидно спросила баб Маня. Вероятно, она была одной из первых в стране, кто осмелился задавать такие вопросы. Бабаня шикнула на неё сердито.

– Поезжай в область там и спроси, – огрызнулась Зинаида, с силой потянув тяжёлую дверь.

– О, какая!.. Да, ладно, ладно тебе, – пошла на попятную баб Маня. – Андрюху-то отметь, маются на жару.

Продавщица что-то пробубнила и вплыла в полумрак сельпо. Очередь, как пылесосом, втянулась следом.

– Всё, дуйте домой, – сжалась Бабаня над детьми. – За руку, Андрюша, держи. Да не озорничайте там.

Они припустили со всех ног. Андрюша бегал быстро, Злата еле поспевала за ним, клещом уцепившись в мальчишескую ладонь. Торопились закачаться водой от пуза и в жаркой истоме завалиться на старую железную кровать под разлапистой яблоней. Бабаня целую миску печенья дала, с вечера напекла. Они-то взяли только по одной, остальное так и дождалось на кровати, прикрытое полотенчиком. Нет ничего лучше в мире, чем хрустеть печенюшками, пальцем выковыривать нитки из узорчатого покрывала и задумчиво смотреть на небо сквозь перекрестье веток. Если повезёт, выхватить взглядом завитки облаков и наперебой сочинять «облачные сказки». Андрюша так придумал.

Муська грелась на солнышке вместе с выводком, развалилась на вытоптанном пяточке у крыльца. Котята прилепились к мамке и мягко переминали лапками проваленный животик.

Дети присели рядом. Муська, видимо, была в хорошем настроении, глянула на них, снисходительно зажмурилась и отвернулась.

– Тошная, всю высосали, всю, – сокрушённо покачала головой Злата, копируя бабкины интонации и ладошкой оглаживая впалый кошачий бок.

– Молока ей надо.

– Ой! А я всё выпила.

– Сейчас подоим, неси ковшик.

Злата пулей метнулась в дом, схватила алюминиевый ковш и бегом назад. Коза у Бабани была серая, бокастая, с меланхоличными зелёными глазками и кочками маленьких рожек над крутым лбом. Своенравная, вёрткая и имя у неё странное – Марта. Злата побаивалась одна подходить к ней, только с Бабаней, ну а с Андрюшей-то не страшно.

Ничего не подозревающая Марта безмятежно паслась за домом на привязи, шустро ворочая челюстями. Подкрались, Андрюша похлопал по спине козочку: Хорошая, хорошая! И Злата осмелилась, провела ручкой по жёсткой шкурке: Хорошая, хорошая!

Сели на корточки возле козы, Андрюша подсунул ковшик и сказал:

– Я держать буду, а ты дои.

– За ти-итки? – прыснула Злата, прикрыв рот ладошкой.

– За что ещё? Вымя это. Не видала, что ли, как Бабаня доит?

Покрасневший Андрюша задрал козе заднюю ногу, Злата перевела взгляд на болтающееся вымя, снова посмотрела на брата.

– Дои, чего сидишь?

Она с опаской ткнула в вымя пальчиком. На удивление, оно оказалось тёплым, мягким, с нежным пушком. Со всей силы дёрнула за тёмный сосок, Марта вздрогнула, но никаких молочных рек не выдала, ни одной капельки.

– Держи, только двумя руками, – сказал Андрюша.

Злата быстренько перебежала и примостилась позади козы, со страхом ухватила за ногу. Марта почуяла неладное, не в курсе была, что Муськино здоровье напрямую зависит от неё. Попыталась высвободиться, мышцы напряглись, копытце замаячило перед Златкиными глазами. Страшно-то как! Сердечко ёкнуло, обвалилось куда-то в живот, и хотелось бежать подальше от этой ноги в серых волосках. Но нет, нет!.. Там же высосанная Муська, так нуждавшаяся в полезном молоке! Злата опасно приподнялась, чтобы не видеть серый пенёчек, крепко вцепилась в козью ногу и старалась не смотреть, но глаза косились сами по себе. Андрюша двумя руками потянул за соски, и... бадамс! Марта взбрыкнула и копытом припечатала Златке в плечо. Она отлетела в высокую траву, рёв её взметнулся ввысь, туда, где одинокое лёгкое облачко принесло новую сказку. Но какие могут быть сказки, когда ты ревёшь белугой?

Андрюша приземлился рядышком, ободранные коленки утонули в пыльной зелени. Сквозь слёзы видела Злата васильковые глаза, огромные и круглые, загнутый виноватой скобочкой рот. Андрюша неуверенно погладил её руку и забормотал:

– Больно, да?.. Больно? Не плачь, не пла-ачь, Рыжуха....

Плечо ноет, себя, бедненькую, жаль, Муську тоже, Андрюшу жальче некуда, потому как его таинственное ухо опять пострадает. Хоть разорвись – кого жалеть сильнее?

Разумеется, от Бабани влетело. Андрюша до конца дня простоял в углу за сервантом, обмазанная вонючей мазью Злата пристроилась рядышком. Иногда она выбегала на кухню и быстренько возвращалась назад, в наказание. Украдкой подсовывала Андрюше печеньки.

– Подиж ты, не разлей вода, прямо. Да выходите уже, ладно, – смилостивилась бабка.

В этот день Андрюша впервые остался ночевать. Сначала Бабаня разрешила поиграть с рыбками, только это не настоящие рыбки, а синенькие блестящие, с открытыми ротиками. Жили они на полированном серванте вместе с мамой рыбиной. У неё изо рта шарик золотой торчал, так хотелось его вытащить, но Бабаня не дала, сказала:

– Вон, мальки есть, ими играйте. Осторожно только, поколотите ещё.

Они из детской леечки наливали водичку в разъявленные рыбы рты, а потом пили из них, обпились. Это намного интереснее, чем просто из кружки и ничего не разбили. Потом вдвоём забрались на огромные полаты (почему так называлась обычная кровать – неизвестно). Шушукались, шушукались, хихикали, хихикали, пока заспанная Бабаня не выросла в дверях и не прикрикнула:

– Быстро, быстро спать, шепутные! Баловаться будете, не позволю больше.

Уснули. Белый шрамик на плече остался на всю жизнь, как и Андриюшино – Рыжуха. А уж сколько детских тайн и секретиков перешёптано, переговорено на этих полатах, сколько страшилочек, да врушек-баек навывдумывано!

Тот год запомнился как самый счастливый в её детстве. Родители Андриюши гонялись на севере за длинным рублём и оставили сына у бабки, в школу пришла пора идти. У баб Мани дом посolidнее, но злой, негостеприимный, как и она сама. То не трогай, это нельзя, на диване не прыгай, руки на колени и сиди тихо, как арестант, не высывайся. А разве это мыслимо, когда кругом столько любопытного? Глаза хлопотливо бегают, выискивают. Рука сама тянется – и статуэточки потрогать хочется, гладенькие беленькие собольки, и атласную штору на себя примерить, и в пуговичной банке порыться. Одна электрическая кофемолка чего стоила. Стояла она в коробке глубоко в шкафу, почти неиспользуемая. Однажды, пока бабки дома не было, они вытащили её и весь сахар из сахарницы смолотили. Вжик, вжик – и белый порошок готов. Слизываешь его с ладошки и млеешь, хохочешь-заливаешься, глядя на Андриюшин такой же белый нос-пимпочку. Баба Маня застала, чуть не на голову им этот порошок высыпала, так орала:

– Чёй-то тут шаритесь, господа хорошие? Проныры, от проны-ыры!.. А ну, геть отседа! И полотенцем, полотенцем отхаживает.

Две сестры были настолько разными, только диву даёшься. Бабаня полная, статная, румянец щедро разлит по щекам, веночек толстой косы уложит вокруг головы – ни дать ни взять царица, и добротой наполнена по самые края. Баба Маня с другого полюса: худая, костлявая, с вечной дулей на затылке, носом-флюгером, который лез всюду, да языком-бритвой. Характер ядовитый как у змеи, злыдня одним словом.

Так повелось, что Андриюша после школы бежал не домой, а к Бабане, вернее, к Злате. Она, когда дожди начались, усаживалась у окошка, подпирала кулачком щёку и ждала. Смотрела на унылый двор, наискось перечерканный быстрыми струями, на сердито пузырящиеся лужи. Носу не высунуть на улицу, но Андриюша высывал, он большой и школьник. А она ещё маленькая, поэтому сидит и отирает ладошкой запотевшее окно, вот – вот калитка откроется, Андриюша ворвётся и заполнит собой весь мир.

– Да придёт он, придёт, куда денется, – ворчала Бабаня. – Иди, сказку почитаю.

– Не хочу, – отмахнётся и снова взглядом окно дырявит.

Зато когда Андриюша влетал верблюдиком, с ранцем за спиной, жизнь обретала новые краски. Столько дел, столько дел сразу находилось!

– Бегом переодеться, застудисся, – заботливо выговаривала Злата бабкиным тоном, принимая Андриюшин мокрый ранец. – Да обсохнуть одежду раскинь.

Он бежал в спальню, с точностью выполняя её указания, она мчалась на кухню. Хлопотала с Бабаней, больше под ногами крутилась, но ничего не упустить, ничего!

– Пирожки не забыла, ба?

– Да не забыла, не забыла, супу сначала, потом уж пирожки ваши.

– А компотик? Вишенки побольше, Андриюша лю-юбит.

– Ну, надо ж так! Всё б тебе Андриюша да Андриюша.

Вместе отстучат ложками по тарелкам, а потом самое расчудесное – пирожки с картошкой, да игра-считалочка у кого вишнёвых косточек больше.

За уроками всегда сидела рядышком, смотрела, как Андрюша сначала крючочки да палочки выводит, а потом и буквы. Складывать по слогам начал и Злата за ним повторяла. Андрюша умный, Андрюша всё знает и всему научит. Он и учил старательно «р» выговаривать. Запрокидывал голову и показывал, как так исхитриться язычок свернуть, чтобы «рэкнуть». Злата только что не ныряла в широко раскрытый Андрюшин рот, пальчиком язык его трогала, запоминала и прилежно повторяла:

– Р-р-р-р.... Андр-р-р-рюша.... Андрю-рю-рю....

Так и пошло – Андрю-рю-рю, до самой взрослости.

Как-то он занимался очень серьёзным делом, решал пр-имер-ры. Брови сосредоточенно намурены, сам посапывает, поблёкшие веснушки на носу подпрыгивают, и со Златой не разговаривает. Она смотрела на него, не отрываясь, а потом сказала так доверительно, с придыханием:

– Жинюся с тобой.

– Чтой-то удумала? – вскинулась Бабаня, оторвавшись от вязания новеньких тёплых следочков для внучки. – Нельзя вам жениться, по крови родные вы.

Злата сумрачно глянула на бабу, а Андрюша обернулся и сказал весомо:

– Чай, не чужие.

Мол, плевали мы на ваши предрассудки и родственные крови, путь у нас один – жениться и всё тут! Злата сразу и успокоилась.

К концу следующего лета, когда папа забирал её в Москву, до истерики дошло. Орала, вопила как резаная:

– Не поеду!.. Нет! Нет! Не пое-еду-у-у!

Ни Бабанины, ни отцовы увещевания, что не навсегда прощаетесь, не помогали. Хоть ты тресни – в Златкиной детской жизни Андрюша был центром мироздания, её альфой и омегой. Размазывала по мордашке нарёванные реки, поддвигала, скулила, забившись на полати. Сквозь икоту продавливала:

– Андр-рюша, Андрю-рю-рю....

Пока он же хмурый, потухший не присел рядышком. С осторожностью погладил по плечу, мягко прикоснулся к огненной макушке.

– Не плачь, Рыжуха. Я приеду в твою Москву, приеду. И ты приедешь, Бабаня сказала.

Взметнулась, бросилась ему на шею, сковала ручками и зашептала в ухо:

– Честно-пречестно?.. Правда-преправда?

– Да.

– А потом жини-ица.

– Да-а.

Глава вторая

В Москву Злата вернулась с папой и бабой Раей. Тётеньку эту знала, жила через два дома от Бабани. Перед отъездом из деревни она часто заглядывала к ним вечерком, почаёвничать по-соседски, всё пыталась поговорить со Златой, но той некогда было лясы точить. Забот у них с Андрюшей по горло.

Большая четырёхкомнатная квартира на Удальцова встретила пустотой и гнетущим неуютом. Мир изменился, Злата почувствовала это всем своим маленьким существом. Притихшая, бродила по комнатам, с трудом пытаясь что-то осознать. Не получалось и боль расставания с Андрюшей ещё не утихла. Всё чужое, печальное, ни играть, ни бегать не хочется. Она долго стояла возле массивной лакированной стенки в зале и смотрела на фотокарточки с чёрными полосками. Папа подошёл, обнял большущими руками и спросил:

– Это бабуля с дедулей, помнишь?

– Да, – с уверенностью кивнула Злата, выхватывая из памяти отрывочные фрагменты прежней жизни. – А где они?

Папа сел на диван, усадил её на колени и серьёзно посмотрел в глаза.

– Понимаешь, Солнышко..., они умерли.

– Как цыплёнок?

– Какой цыплёнок?

– Ну-у, в деревне же! Бабаня сказала – бох дал, бох взял.

– Да, да, доченька.

– Насовсем умерли?

– Насовсем.

– А мама? Тоже умерла?

– Нет, что ты. Мама... мама в командировке.

– А-а... Каммань-дировке – это как?

– Как тебе сказать, Солнышко.... Это такое место, где люди работают далеко от дома.

– На севере? Как Андрюшины мама с папой?

– Почти.

– У-у.... Зна-аю, мама за длинным рублём гоняется. Так бы и сказал, – фыркнула Злата.

Про этот убегающий от всех рубль они с Андрюшей сто раз говорили. Бежит жёлтенькая бумажка на ножках, длинная предлинная, вся колыхается, торопится, назад оглядывается – как бы не поймали. На самом верху её единичка нарисована, а под ней написано – один рубль.

– Не совсем так. Мама не может приехать, она очень занята и делает важные дела.

– Для меня?

– И для тебя, и для меня.

– А для Андрюши?

– Конечно, и для Андрюши, для всех.

– А-а.

Что означает – ну, если и для Андрюши, тогда ничего, пусть мама делает дела и дальше в своей загадочной командировке.

Постепенно Злата обживалась дома, в детский сад папа её не отправил, и она дни напролёт проводила с бабой Раей. Конечно, с ней не поиграешь как с Андрюшей, но зато в неё можно врезаться всем телом после вертолётной беготни по комнатам. Носом уткнуться в большой живот, прилепиться к мягким полным ногам, обхватить их руками и замереть. Баба Рая ласково поглаживала влажную от пота спинку и размеренно проговаривала:

– Ты ж моя рыбонька, умаялась совсем. Никак, угомонилась, вертя?

– Да-а, – тянула Злата, подняв голову вверх и глядя в светлые, цвета ореховой скорлупы, глаза. Начинала баловаться. Язык научился проворачивать имя, похожее на ковыряние лопаткой в земле, она хитренько прищуривалась и крутила головой в разные стороны. – Р-раиса Ф-фёдо-р-ровна, Р-раиса Ф-фёдор-ровна.

– Ох ты, ох ты, заважничала, – нарочито хмурилась домработница и подхватывала: – Злат Витальна-а, Злат Витальна-а. Блинков не желае, барышня?

Златка взвизгивала от радости. Её «имячество» баба Рая выпевала мелодично, с нежным голубиным воркованием, от чего оно казалось особенным. А самое главное – блины. Лёгкие, воздушные кружева, дырчатые, наполненные горячим солнцем. Злата подхватывала блинчик двумя руками, подносила его к лицу и сквозь дырочки смотрела на мир. Он раскалывался на мелкие разрозненные частицы, она с изумлением замечала – какое всё разное. Если прищурить один глаз, то картинка в каждой блинной дырочке становилась объёмной. Долго держать не получалось, тончайший кругляш неизменно норовил порваться, Злата быстро сворачивала его и заталкивала в рот.

– От вертя, жидкое, жидкое по первости. Нечего сухомяткой желудок портить.

Злата согласно кивала, с полным ртом мычала «угу», подкрадывалась сзади и воровала следующий блинчик. Бегом улепётывала из кухни, слыша вдогонку добродушное:

– Сорока – белобока! Куда потащила? А, ну, вернись!

Злата проказливо выглядывала из коридора, а баба Рая грозила пальцем и деланно насупливалась. Качала головой с неизменными химическими кудряшками, красноватыми от хны. Красила она их сама, по-крестьянски бережливая, экономила на всём. Высыпала в миску грязно – зелёный порошок, разводила водой, это месиво мазала на волосы. Сверху натягивала полиэтиленовый пакет и в довершение наматывала чалму из большого полотенца.

– Так лучше возмётся, – поясняла она Злате. Та с замиранием смотрела на эти манипуляции и приобщалась к женскому таинству.

Момент высшего восторга наступал, когда баба Рая выходила из ванной с мокрой головой и доверяла Злате сушить волосы феном. А уж она-то старалась! Со всех сторон обдувала тёмные от воды кудельки. Они на глазах превращались в красновато-коричневую вспышку, как нимбом окаймляющую добрейшее, с налётом печали, круглое лицо.

– Покрасилось?

– Да-а! Зави-ивка! Краси-иво!

– Что ж тут красиво-то? – ответила довольная баба Рая, оглядываясь в створки трильяжа. – Красиво у тебя, рыбонька моя. Ни в коем случае богатство такое не отрезай. От все твои женихи будут, все. Вырастешь, нальёшься фигурой, от кавалеров отбою не будет.

Златка прыснула, прикрыв рот ладошками, вспомнила Андрюшу и тоже посмотрела на своё отражение. В отблесках от люстры тёмно-зелёная радужка расцветивалась рыжими искорками. Личико девочки напротив таинственно сияло, не в силах спрятать такой жизненно важный секретик.

– Никак влюбилась, рыбонькая моя? – спросила баба Рая, прижимая Злату к себе. Она упряталась в тёплый живот и нараспев прошелестела:

– Да-а-а.

Шестилетка знала о любви всё: влюбилась – это так хорошо-хорошо, потому что в жизни есть Андрюша и он скоро приедет.

Вопрос «когда» звучал каждый день, как только папа возвращался с работы и подхватывал дочь на руки. Угрюмое лицо его менялось в миг, улыбка разъезжалась широко и приподнимала скулы, носогубки из скорбных становились весёлыми.

– Поцелую, дай, сначала, – смеялся папа, подбрасывая Злату вверх, да так, что дух захватывало. Она пицала от счастья и милостиво позволяла ему приложиться к нежной щёчке. Детским чутьём безошибочно определила – он нуждается в ней также сильно, как и она

в Андрюше. Отцовские глаза в эти минуты темнели до глубоко синего, казалось, даже его аккуратно стриженные волосы блестят ярче. Сто миллион раз Злата видела папину льняную макушку, она всегда задорно светилась от ажурного «чесского» плафона в прихожей.

– Через месяц приедет твой Андрюша, каникулы начнутся и приедет.

– Сколько дней ещё?

– Тридцать, – ответил папа и звонко приложился к Златкиному носику. Она вздохнула обречённо, крепко обняла его и сказала: – До-олго. Порисуем пока?

– Конечно, Солнышко.

Рисовать она обожала. Фломастерами, красками, мелками, всем, что попадало под руку. Гуляла с бабой Раей и в хорошую погоду непременно оставляла на парковых дорожках нехитрую детскую картинку – солнышко, ёлочки, облака, о которых так хотелось пошептаться с Андрюшей. В Москве они другие: налитые тяжестью, плывут еле-еле, порой зависают над головой, даже страшно становится – вот-вот упадут. Дома, набегавшись вволю, затихала, замирала над альбомом. Рука у неё оказалась стремительной, лёгкой, уже в первых рисунках просматривались точно подмеченные детали – папа богатырь, косая сажень в плечах, вроде бы и улыбается, но грусть-тоска угадывается в углом вычерченных бровях, в чуть заметных штрихах заломов у носа. Мама же, хоть и плохо её помнила, пляшущий мотылёк с лицом лукавого ангела и длинными светлыми волосами, разметавшимися от ветра. На ней обязательно корона и летящая синяя юбка, одна нога у мамы согнута в колене и отведена в сторону, как фокстрот танцует. А между мамой и папой Злата и, конечно, Андрюша. Все держатся за руки.

Папа часами просиживал с дочерью, затачивал карандаши, собирая кудрявую цветную стружку в газетный кулёчек, увлечённо смешивал акварельные краски, менял воду в стаканчике. Смотрел, как Злата, положив кончик языка на нижнюю губу, старательно вырисовывает первые шедевры.

– Ты мой Тициан, – как-то сказал он, целуя в макушку. – И по таланту и по цвету.

– Синий? Белый? – она попробовала угадать, с ходу выпалив любимые цвета. Оторвалась на время от раскрашивания домика. Он притаился под навесом высоких деревьев с огромными диковинными листьями, рядом девочка с огненной шапкой волос и мальчик, ему успела только голову нарисовать.

– Нет, – улыбнулся папа. – Рыжий, идём, покажу что-то.

И за руку повёл в удивительную страну, завораживающую вселенную с несметными сокровищами большого искусства. Первое знакомство с ним состоялось через серию альбомов «Мастера мировой живописи» издательства «Аврора». Изумлённая Злата не сводила глаз с глянцевого картинок, впала в неподвижное состояние, сидя на коленках у папы. Широко раскрытыми, почти немигающими глазами, впитывала, втягивала в себя линии, тона, мазки, наложенные уверенной рукой. Блики, перебегающие по листам то вверх, то вниз, оживляли лица, руки, тела, высвечивая все оттенки кожи, под которой так явственно пульсировала настоящая, живая кровь.

– Она нарисованная? – прошептала Злата, и недоверчиво провела ладошкой по женскому лицу. Очаровательно-розовый, свитый из невидимых солнечных лучей, невесомый портрет лукавого ангела с Андрюшиными глазами.

– Да, Солнышко. Это работа французского художника Ренуара, портрет актрисы Жанны Самари.

– Не-ет! Это ма-ама!

Папа смешался, а Злата соскользнула с его колен и помчалась в свою комнату, схватила альбом и бегом назад.

– Смотри, смотри!

Как детский мозг зафиксировал и сохранил столь точные воспоминания, а потом и выразил их через рисунок ни дочь, ни отец так и не смогли понять за всю жизнь. Но это, действи-

тельно, оказалась мама, только волосы не белые, а рыжие, как у Златы. Совсем скоро она встрети-лась с ней. Не с мамой, с картиной.

Папа после работы должен был заехать на Курский вокзал и забрать с электрички Бабаню с Андрюшей. Злата весь день суежилась, готовилась, примеряла наряды, задёргала бабу Раю.

– Смотри, красиво? – в который раз спросила она, поддерживая двумя руками подол розового сатинового платица с яркими клубничками. Покружилась вокруг себя и застыла в ожидании похвалы.

– Да красиво-то красиво, только холодно уже, оденься потеплей. Иди, заплету, что ж ты у меня распустёха такая.

– Потом!

И вновь бежала переодеваться, ворохом сбрасывала с себя одёжку на кровать. В итоге остановилась на плиссированной красной юбочке и розовой водолазке. Причёску сама себе мастерила, всё хотела как на мамином портрете Ренуара. И так и эдак пробовала, сопела, пых-тела, но тяжёлые волосы норовили рассыпаться и свободно раскинуться по плечам. Измучи-лась, пришлось просить помощи. С альбомом под мышкой отправилась на кухню.

– Так мне сделай, – сказала бабе Рае, подсовывая ей картинку с портретом Жанны Самари и зажатые в кулачок шпильки и невидимки.

Та улыбнулась понимающе и принялась за работу. Втыкала шпильки Злате в голову и озабоченно спрашивала:

– Не больно?

– Не-ет, – врала она, шурясь от болезненного поскрёбывания. Ради такой красоты для Андрюши вытерпеть могла что угодно, скальп сдирай, не пикнет.

– Не носись теперь, не ровён час, развалится всё. Модница-огородница!

Медленно, царственно, Злата продефилировала в прихожую с альбомом в руках, покру-тилась у зеркала – ух ты! Смотрела то на себя, то на картину, сравнивала, оценивала, что-то жеманно подправила возле ушка. Полностью довольная собой, пошла в подарок Андрюше рисовать его портрет. Сосредоточенно смешивала краски, отжимала кисточку, две синие точки оживили лицо на белой бумаге. Скорей, скорей показать бабе Рае, совсем настоящий получился!

В такие важные моменты, как часто бывает, вдруг что-то идёт не так. То ли чрезмерная суетность в этот день сыграла роль, то ли неуёмное желание художника побыстрее донести до благодарной публики не просохший шедевр. Соскакывая со стула, она зацепила развёрнутым альбомом стаканчик с водой. Дзынь! Он опрокинулся на бок и серая муть плеснулась со стола на юбочку, водолазку, белые колготы. Только и успела спасти свой рисунок, задрвав альбом повыше. Хоть плачь, весь тщательно продуманный наряд коту под хвост.

На шум прибежала баба Рая и застала подопечную в грязно-бурых разводах, с высоко поднятыми руками и распухшими от близких слёз глазами.

– Ничего, ничего, быстренько подотру и переоденемся, – подбадривала баба Рая.

Злата изо всей силы сжимала губы, старалась не расплакаться, когда её взрослая красивая причёска застряла в узком горлышке водолазки. Она вообще-то такую одежду и не любила. Снимаешь её, а уши всегда прищемленные, нос задирается кверху, волосы тянутся вслед и неизменно процесс сопровождается писклявым – ай-я-яй! Но уж больно хотелось походить на портрет Ренуара.

Кое-как пропихнули голову вместе с растрепанной причёской. Переодеться Злата успела, а на волосы дверной звонок времени не оставил. Так и предстала она перед Андрюшей – хму-рая, нахохлившаяся, взлохмаченная.

– Чтой-то как не родные? – спросила Бабаня. – Ни здрастье, ни обняться. Позабыли друг дружку?

Папа стоял у входной двери, старательно сдерживал улыбку и подтолкнул растерявшегося Андрюшу. Почему-то он был другой – молчаливый, застенчивый, словно боялся и Москвы, и папы, и Златы.

Она исподлобья всматривалась в его лицо, заново узнавая, привыкая к милым чертам, к непривычной недетской серьёзности. Без слов сунула ему в руки подсохший рисунок.

– Это я! – с восхищением сказал он. Такая знакомая улыбка разъехалась от уха до уха, сощурила васильковый взгляд, вздёрнула пуговку веснушчатого носа, возвращая Злате её Андрюшу.

И уже не важно, что вместо розового-воздушного на тебе приземлённо-коричневый, на голове куриное гнездо, а десять минут назад ты готова была рыдать в три ручья и от досады выплакать все глаза до доньшка. Твой мир, замкнутый на одном человеке, брызжет фейерверком, переливается многоцветьем, и ширится, простирается необъятно, и нет ему края. Безусловная, всепоглощающая, бескорыстная любовь возможна только в детстве, когда мозг ещё не забит штампами и социальными клише, и ты живёшь интуитивно, сердцем. Точно знаешь, чёрное это чёрное, а белое, разумеется... Ты не умеешь ещё фальшивить, и даже если врёшь, то врёшь с честными глазами потому, что за спиной пальцы благоразумно сложились в крестик, а значит «не щитоба». И это совсем не враки, а сочинялки, Андрюша так сказал. В ответ такая же подлинная, беспредельная любовь. Слышащая, чувствующая, понимающая каждую глубокую детскую мысль. Вся жизнь на ближайшие несколько лет для Златы сложилась от каникул до каникул, от Андрюши до Андрюши.

Парк «50 лет Октября» оставался одним из немногих спокойных островков в бурлящей, колобродящей перестроечном варевом, Москве. Гремела по стране перестройка, твёрдой поступью печатала шаг, взбудораживая народ новыми веяниями и новыми идеями. Народ, который ещё недавно не смел пикнуть и даже вслух помыслить о каких-то своих правах, вдруг в момент осознал – коммунизм мы теперь будем строить свободно, через демократию, гласность и, принудительно, через всеобщую трезвость. Но тревожные звоночки зазвенели повсюду: в первых талонах на сахар, в длиннющих очередях за всем. Подходишь, спрашиваешь – что дают? Так и не дождавшись ответа, встаёшь в хвост. Если все стоят, значит надо брать, что дадут.

Злата нудно выстаивала с бабой Раей в спёртом воздухе душных гастрономов. Воняло там всегда тошнотворной смесью запахов залежалой рыбы, подгнивших овощей и чёрт знает какой кислятиной. Благовоние это шибало в нос, Злата прикрывалась ладошками и с обречённостью приговорённого к казни мостилась у огромного окна. Иногда по несколько часов стояли на улице, первая уличная торговля только-только входила в повседневную жизнь. Терпеливо ожидали, когда придёт «наш черёд» и толстая тётка в белом фартуке поверх грязного халата отсыплет, отвесит и обвесит. Злата терпеть не могла эти стояния, а куда деваться?

– Есть-то надо, – наставительно говорила баба Рая, – попрыгай лучше.

Только чего прыгать возле серых, угрюмых людей и таких же мрачных, как больных со стружьями отвалившейся штукатурки, домов? Не прыгалось.

Парк же – тихая заводь, куда москвичи приходили отдохнуть от обрушившихся с голубых экранов пламенных речей об ускорении и новом мышлении. Неспешно бродили, цепляясь за привычное в этой кувырком летящей жизни. Парк в то время ещё оставался оазисом первозданной природы. Осень дышала тёплой сыростью от земли, серебрила утренним бисером ажурные ветки облетевших берёз, но по-прежнему хранила богатую палитру. Щедрой рукой вброшены краски в дивный парковый уголок: ржаво-коричневая, алая, ярко-жёлтая, охристая всех оттенков. Они вспыхивали, искрились в лучах внезапно проглянувшего солнца. Под ногами упруго пружинили грунтовые дорожки, перекачивала воды стывшая Раменка. Большой мир был где-то далеко-далеко, а здесь только размеренный покой, охапки листьев, да короткое счастье на одну неделю с Андрюшей.

Они спустились к берегу речки. Андрюша нашёл коричневое стекло от бутылки, сожмурил один глаз и сквозь стекляшку посмотрел на солнце.

– Ры-ыжее!

– Дай, ну дай посмотреть!

– На, только осторожно, не обрежься.

Злата взяла аккуратно, прищурилась и от неожиданности ахнула – всё, абсолютно всё заиграло удивительной игрой красок. Бронзовое солнце не слепило, наоборот, манило в расплывчатое потайное сияние. Повсюду разбросало медно-красные, тёмно-оранжевые пятна и оторваться от этого великолепия просто невозможно.

– А ну, брось сейчас же! – угрожающий возглас обеих бабок вытянул из художественной созерцательности. Злата с неохотой швырнула стекло в воду.

Эпизод этот по непонятной причине врезался в память и прочно занял там легкодоступный уголок в лабиринтах мозга. К нему она возвращалась часто, как притомившийся скиталец приникает к роднику, чтобы испытать живительную силу и идти дальше. Почему наша память так избирательна, так отчётливо фиксирует мельчайшие штрихи, казалось бы, проходного события – неизвестно. Но застывшие мгновения всплывают неожиданно, ты с удивлением сознаёшь – помнишь всё в цвете, чувствуешь запах, слышишь голоса далёких картин своего детства.

В субботу папа повёз их в Пушкинский музей. Поначалу хотел взять обоих за руки, но Злата не позволила. Уверенно выступала посередке, крепко держась за двух главных мужчин в жизни. Только в метро пришлось уступить. В этом муравейнике, среди суматошливо снующих по обе стороны людей, оторваться и потеряться можно запросто. Метро она всегда побивалась, не эскалатора или молниеносно вылетающих из чёрного провала поездов, это само собой. Больше пугало непрерывное мельтешение тёмных человеческих фигур, от чего кружилась голова и слегка подташнивало. Папа прижимал детей к себе, а Андрюша даже бровью не повёл, не показал, что ему тоже боязно. Поднял голову вверх и с повышенным вниманием изучал глубокую обратную лунку как для инопланетных летающих тарелок. Злата точь-в-точь скопировала позу и глазам своим не поверила – на самом деле, не так и страшно, если смотреть в потолок, а не на людей. Андрюша всё знает и всему научит! Детская мантра.

Папа провёл их вверх по ступенькам меж античных колонн в глубину музея. Здесь можно было за него не держаться, только друг за дружку.

Откуда у отца такая тяга к искусству, столь глубокие познания, необычные для простого деревенского парня из тульской глубинки, Злата узнала намного позже. А первая встреча с настоящими полотнами, не альбомными репродукциями, запомнилась на всю жизнь.

Притихшие, они с Андрюшей сцепились ладошками и шаркали по пустынным залам мимо сонно клюющих носом бабулек на стульях. Музейная тишина расцветивалась папиным негромким голосом. Влюблённый в живопись, дозированно, аккуратно вталкивал в голову дочери эту любовь. Выбирал ракурсы, откуда полотна предстают в наиболее выгодном свете, отводил подальше вплотную прилипших к ним детей. Злата с удивлением подмечала – они, картины, всегда разные, живые. Долго стояла у «Голубых танцовщиц» Дега, вдумчиво повторяла позы замерших, как перед полётом ввысь, балерин. Запоминала, считывала, улавливала и сама не знала зачем. Папа улыбался, довольно кивал, а Андрюша просто светился – глаза лучились, не отрывались от увлечшейся Златы, улыбка смущённо – умильная, уши на просвет опять розовые. Неподдельная гордость за сестрёнку-подружку переполняла.

– Смотри, смотри, так? – спросила она, ещё раз приложив ручки к плечам, совсем как балерина на картине.

– Да, – мотнул головой Андрюша, а папа засмеялся тихонечко.

Нежданное свидание с мамой на картине Ренуара повергло в замешательство. Злата сначала даже не поняла, потрясённая, посмотрела на отца, но и его лицо вытянулось ошеломлённо.

Знал или нет, что встретит её здесь? Вряд ли, интернета в России ещё не было. Возможно, если бы знал, то ни за что бы не привёл дочь в Пушкинский музей.

Деланным бодрячком он поспешно сказал:

– На-адо же! Как нам повезло!

– Мама, – убеждённо заключила Злата, прилепившись взглядом к знакомому лицу.

– Жанна Самари, доченька. Идите сюда.

Он поманил пальцем, они подошли и... о, чудо! Зелёное платье женственной красавицы вдруг стало синим! Злата отбросила Андрюшину руку, перебежала на прежнее место – нет, зелёное! Она открыла рот от изумления и повернулась к Андрюше, он подошёл, глаза его удивлённо округлились.

– Видишь? – почему-то шёпотом сказала Злата.

– Вижу, – так же чуть слышно сказал Андрюша и захлопал ресницами.

Она снова опрометью кинулась к папе, глянула сбоку – синее! Волшебство, платье заколдованное!

– Девочка, в музее бегать нельзя, – рявкнула скрипучим голосом восторженувшаяся отосна старушка-одуван, и папе: – Товарищ посетитель, смотрите за ребёнком!

– Простите, простите, – спешно проговорил тот и подтолкнул детей дальше.

Злата на прощанье оглянулась на маму – нет, всё-таки, зелёное, и опять ухватила за тёплую Андрюшину ладонь.

Глава третья

После каникул папа пристроил её в кружок рисования неподалёку от дома. Мелюзгу там принимали охотно, одним юным художником меньше, одним больше – значения не имело. Преподаватели усаживали ребятишек рядками, объявляли вольную тему: малюй, что хочешь, а сами рассредоточивались по очередям в близлежащих магазинах. Оставался один смотрящий, как правило, седенькая, интеллигентнейшая Изольда Павловна в неизменном шёлковом платочке на тонкой шее. Невысокая, хрупкая, вся какая-то дымчатая: выпцветшие серые глаза, стянутые к затылку в коротенький хвостик волосы, сама прозрачная. Фиолетово-зелёные вены и артерии проступали замысловатым рисунком на обсыпанных старческой гречкой руках. Сколько ей было? Неизвестно, но какие это были руки! Хоть и обтянутые пергаментом кожи, но изящные, с тонкими длинными пальцами, они жили отдельной жизнью, никак не желая мириться с паспортным возрастом. Уверенно скользили простым карандашом, свободно взлетали в чарующем вальсе акварели, кружились в менуэте, смешивая краски. Злата, как заворожённая, смотрела за этими руками, и не могла оторваться. Как же хотелось вот так легко, грациозно священнодействовать над девственно белым листом! И она старалась, очень старалась, взмахивала рукой и разбрызгивала кистью во все стороны. Именно Изольда Павловна первая высмотрела, угадала в ней незаурядные способности.

– Вы голубчик, девочку не упустите. Ребёнок способный к живописи, – сказала она папе, когда пришёл после работы за дочерью.

– Спасибо. Как вы думаете, шанс у нас есть в художественную школу поступить?

– Конечно, если хотите, могу подготовить.

На короткое время квартира Изольды Павловны на Фрунзенской набережной стала для Златы средоточием жизни, подлинной волшебной шкатулкой, напичканной удивительными вещами. Каждое посещение этого крохотного мира впечатывалось в мозг вместе с хрипловатым, чуть надтреснутым от курения, голосом наставницы.

– Немецкие часы, конец прошлого века, – пояснила Изольда Павловна и погладила Злату по голове.

Она замерла у настенного чуда тёмного дерева с башенками и пилястрами. Часы мелодично отбивали удары каждый час, медный маятник с белой сердцевинкой мерно покачивался из стороны в сторону и вводил в состояние транса. Взгляд бессознательно двигался за ним – туда-сюда, туда-сюда. Под его ритмичные отстукивания квартира превращалась в настоящий дворец, а Злата, разумеется, в принцессу. Как без этого?

– Идём, детонька, идём, позанимаемся сначала.

Детонька с трудом отрывалась от часов и переключалась на большой старинный буфет. Он грузно раскорячился гнутыми львиными ножками, тускло поблёскивал лакированной поверхностью столешницы, а на ней множество фарфоровых статуэток тончайшей работы. Вот игриво приподняла длинное голубое платье цветочница у лотка, показывая изящную ножку в коричневой туфельке. А это белоснежная балерина застыла в пируэте, пополам перерезанная балетной пачкой. Другая, из той же серии, но уже изогнулась в поклоне, а третья тянет ногу в чистейшем арабеске. Целая коллекция музыкантов в чёрных котелках с красным пёрышком, а ещё влюблённые парочки, зверушки, птички. Маленький пастушок в соломенной шляпе присел на пенёчке со свирелью в руках. Злата раззявой не была, ворон попусту не считала, но от этого роскошного великолепия дух захватывало, хотелось всё пощупать, погладить. Баба Рая строго-настрога наказала ничего в чужом доме не трогать, приходилось изо всех сил прижимать руки по швам, шагать в мастерскую как солдат по команде «смирно».

Изольда Павловна изъяснялась необычно, старомодно – буфэт, зала, извольте-с, «Нет, нет, этот цвет, детонька, категорически не подходит». Всегда приветливая, уважительная, чем

сразу снискала благосклонность бабы Раи. К этим визитам она старалась настряпать что-нибудь вкусненькое.

– Гостинца прихватим дамочке, худющая как щепка, – говорила она.

Всякий раз старушка отвечала:

– Ну, что вы, право, Раечка... А, впрочем, голубушка, великодушно благодарю!

Картины на стенах в простых массивных рамах, английские кресла с изогнутыми спинками, в которые так хотелось присесть, ощутить прикосновение прохладного шёлка. В тон к ним тяжёлые портьеры оливкового цвета. Подвязаны они были шнуром с кисточками, рука настойчиво требовала дотронуться до них. Однажды это удалось, пока обе бабульки увлеклись обсуждением родимого пятна на лысине Горбачёва. Полный восторг – гладкие, мягкие на ощупь, как пёрышки, разбросанные в деревенском птичнике, да ещё и золотые. Пара небольших комодиков с витиеватым резным орнаментом, высокий потемневший секретер с огромным количеством ящичков. Необыкновенный мир омрачался знакомым запахом валерьянки, старости и забвения. Как будто всё это драгоценное наполнение никому не нужно.

Злата хорошо запомнила свои ощущения, когда совсем нечаянно, только на минуточку, взяла пастушка и быстро сунула в карман-муфту зелёной шерстяной кофточки. Опустила взгляд на выпяченный живот – топорщится, а на буфёте остался кружочек посреди пыльного налёта. Вытащила фигурку и поставила тихонько назад. Нет, так на Андрюшу похож, снова проворно схватила и в карман. Послышались шаги, старушки почаявничали и пришла пора распрощаться до следующего раза. Злата мгновенно достала пастушка и со стуком поставила опять, целясь в полированное чистое пятно. Щёки начало жечь нестерпимо, пальцы произвольно сложились в кулаки и забрались в карманы. Ничего не сделала, не нашкодила, тогда почему так стыдно? На всякий случай опустила голову и прищиплила взгляд к сколотому краешку столешницы. Сантиметра полтора всего, но он отпечатался в сознании как связь с нехорошим поступком. Почти невесомая рука опустилась на задеревеневшее плечо.

– Нравится?

– Д-да.

– Кто больше всех понравился?

Злата ткнула пальцем в пастушка, не поднимая головы.

– Возьми.

– Можно? – вскинула глаза и поймала одобрительный взгляд над ласковой улыбкой.

– Можно, детонька, можно. На память.

И теперь уже бесповоротно маленький сельский музыкант переселился в шерстяной карманчик, а оттуда во всю Златкину жизнь, окрашивая её нежными переживаниями одинокой свирели.

Небольшая мастерская Изольды Павловны была забита под завязку: картины и подрамники притулились прямо на полу вдоль стен, самодельные полки тянулись в два ряда по обеим сторонам до окна и на них тоже рисунки, наброски, этюды. В углу, на тщательно убранном, без следов пыли, столе – армия стеклянных пол литровых банок с кисточками, карандашами и мастихинами. Под ним обшарпанный венский стул да синяя деревянная табуретка. Два простеньких мольберта-раскладушки сиротливо застыли вполборота у окна, улавливая солнечный свет пустыми фанерными прямоугольниками. Другой – солидный, как статная графиня, тренога, стоял отдельно. Опирался широко расставленными циркульными ногами, проскользнуть мимо него надо было аккуратно, не зацепившись. На нём незаконченный портрет совсем юной девушки с высоко поднятыми каштановыми волосами, абрикосовыми щёчками и печальным взглядом. Она сидела у окна, за которым нависли тяжёлые серые тучи.

– Давно учеников не было, – извиняющимся тоном сказала Изольда Павловна. – Людям сейчас не до искусства.

Она терпеливо передавала виртуозное владение простым карандашом, крепкой рукой фиксируя его в непослушных Златкиных пальцах.

– Уверенней, уверенней, это твой первый друг в живописи.

Столько новых слов пришло в жизнь – набросок, палитра, пастель, рефлекс. Злата схватывала жадно, запоминала с лёту и вечерами пересказывала папе до мельчайших деталей. Стояние в очередях перешло в стояние у мольберта и от этого возникало удивительное ощущение избранности и взрослости. Баба Рая добровольно взяла на буксир шуплёнькую старушку и добывала пропитание на два дома, пока обе художницы вдохновенно творили. Изольда Павловна встрепенулась, ожила и заканчивала портрет на треноге. Работала без очков, только щурилась. Злата же училась накладывать акварель слой за слоем, отрисовывать из хаотично нанесённого круга то цветочный горшок с бархатной лиловой глоксинией, то стаканчик с линейкой. Постоянно поглядывала на учителя, восхищённо смотрела как та короткими, отточенными мазками наносит цветные пятна на холст. Копировала позы и жесты, как губка поглощала в себя незримую аристократичную ауру этой женщины.

Однажды, когда баба Рая отоваренная вернулась с мороза, Изольда Павловна оставила работу и поспешила отпить её горячим чаем. Злата прокралась через залу и подсмотрела на кухне: баба Рая выкладывала добытые продукты и говорила:

– Вот, харчишек, вам, барышня. Узнала, завтра костей обещались давать, на бульон-то и хорошо, с килограммчик и вам прихватчу.

– Да, полно, Раечка... Много ли мне надо? Лучше, давайте, чайку сначала. Зазяблись совсем, голубушка.

Злата на цыпочках побежала назад, схватила кисточку, обмакнула её в оранжевую краску и в правом углу над портретом девушки нарисовала махонький кружочек – солнышко. Потому как от серых туч все будут грустные, а от солнышка весёлые – простая детская логика. Потом всё беспокоилась – поругает её Изольда или нет? Но та ничего не сказала и оранжевое пятнышко не тронула, только чаще стала Злату по голове гладить.

Перед Новым годом папа пришёл домой с огромным мешком, разжился в своём институте. Мандарины, давно исчезнувшие с полок элитные конфеты «Трюфели», розовые весёлые баночки мармелада с надписью «Апельсиновые и лимонные дольки» и много ещё разной остродефицитной вкуснятины вывалил на диван. Весь вечер они увлечённо собирали подарки, Злата по-честному поделила на шесть кучек, строго выстраивая иерархию важных в жизни людей.

– Мне, Андрюше, папе, бабе Рае, Бабане, Изольде.

Поделила на всех, никого не обидела, правда, затем три кучки объединились в одну, а конфеты вытаскала сама.

Растроганная преподавательница смахнула выкатившуюся слезинку, с достоинством княжны кивнула и сказала:

– Благодарю великодушно!

В ответ Злата тоже получила подарок – один из мольбертов-раскладушек, простой карандаш «Кол-і-поог» с золотым тиснением и голубую коробочку с надписью «Ленинград», настоящие профессиональные акварельные краски. Достать подобную редкость и в добрые времена было сложно, а на пике перестройки практически невозможно.

– Не надо, Изольда, – пыталась возразить смущённая баба Рая. – Денег-то каких стоит!

– У папы попросим, – быстро вставила Злата, сердито глянув на неё. Если у папы денег не хватит, то она готова распечатать свою копилку-собачку, лишь бы заполнить вожделенные подарки.

– Берите, Раечка, не стесняйтесь. На тот свет с собой не заберу, а Златочке на первое время пригодится.

– Ой, да что ж вы говорите. Жить да жить ещё, а то и своим бы кому отдали.

Изольда Павловна чиркнула зажигалкой, глубоко затянулась и отвернулась к окну. Долго смотрела, не шевелясь, на узорный переплёт заснеженных веток на сером акварельном небе. Злата встревожено думала: хоть бы отдала, хоть бы отдала просто так! Деньги они с Андрюшей копили на важное дело – велик в деревню купить. Мечта одна на двоих – лихо пронестись вниз по улице до озера, позвякивая блестящим звоночком. Так и виделось: Андрюша уверенно заруливает, привстав на педали, а она весело подпрыгивает, сидя на багажнике.

– Мои меня уже заждались, – с грустью улыбнулась, оборачиваясь, Изольда Павловна. На светлом лице её, покрытом сеточкой глубоких морщин, отпечаталась накопленная за долгую жизнь усталость. – Племянник один остался, пройдоха, не по моей линии. Так что, забирайте. Да и Виталию Геннадьевичу передайте, может, картины его заинтересуют. О деньгах пусть не беспокоится, просто подарю.

Злата выдохнула с облегчением и всю дорогу до дома помогала тащить бабе Рае мольберт. Крепко держала его, когда та отдыхала, и радовалась, что не пришлось деньги потратить. А папа сначала сказал – неудобно бесплатно брать, но Злата уговаривала, используя весь наработанный арсенал женских хитростей.

– Ну, папочка, родненький, пожалуйста, – канючила она, чуть не задушив его сверх ласковыми объятиями. Зацеловывала, защекотывала пушистыми волосами, повторяя: – Знаешь, как там красиво? Не зна-аешь, в сто раз лучше, чем в музее!

Уломала. В конце зимних каникул они набрали деревенских гостинцев и вчетвером, с бабой Раей и Андрюшей, отправились в гости. Массивная дубовая дверь неприветливо встретила приклеенной поперёк полоской бумаги с печатью. Папа помрачнел, а баба Рая мгновенно побледнела и беззвучно зашевелила губами. Сверху спускался пожилой мужчина с бестолково твякающей болонкой на поводке. Он остановился возле них и угрюмо сказал:

– Схоронили, два дня уж как схоронили. А вы-то кто, тоже родственники? Поналетели, вороньё! При жизни бы...

– Нет, нет, мы уроки брали, – поспешно перебил папа и покраснел.

– А-а, ученики. Много их было, и никто даже.... Эх, жизнь, какая женщина! А умерла в одиночестве.

Они перешли дорогу и в молчании брели вдоль замёрзшей реки. Стелилась под ноги позёмка, колючий морозный ветер подсвистывал, обдавал холодом лицо, но ни Злата, ни Андрюша не решались попроситься домой. Как обычно, держались за руки и попеременно оглядывались назад, за их спинами папа под локоть вёл бабу Раю. Та долго всхлипывала и вытирала глаза скомканным клетчатым носовым платком. В руке у отца болталась коричневая матерчатая сумка с уже ненужными гостинцами.

После этого случая Злата впервые осознала слово «смерть». В её понимании оно виделось жирной чёрной линией на бумаге, где «до» – это жизнь, а переступив через черту, человек растворяется, исчезает и никогда больше не появляется. С пониманием пришёл страх: так растворились бабуля с дедулей, так может растаять папа, баба Рая, Бабаня, и она смутно подозревала, что и мама, от которой остался только размытый образ да картина Ренуара в Пушкинском музее, также исчезла без следа. Всё чаще спрашивала у отца, когда мама вернётся из командировки, а он всё убедительнее сочинял истории о секретной работе жены. Потом появились невиданные в СССР подарки от мамы – джинсы, комбинезончики, платья, кофточки невообразимо красивых пастельных тонов, мякотькие, приятные к телу. Однажды Злата открыла огромную коробку, а там принцесса в алом, расшитом серебром, бальном наряде. Самая настоящая принцесса и совсем как живая, наклонишь её, а она песенку поёт на незнакомом языке. Хоть особо и не играла с девчачьими игрушками, но резиновое личико с приметными ямочками на пухлых щёчках, локоны и малюсенькие туфельки на каблучке сразили наповал. Из рук такое диво дивное выпускать не хотелось, она и не выпускала. Эта ни в чём неповинная кукла впоследствии приняла на себя главный удар Златкиного внезапного взросления.

Глава четвёртая

В Краснопресненскую художественную школу Злата не поступила, не прошла по конкурсу, сдали документы в обычную. Огорчилась, конечно, но ещё стояло лето с его назойливым комариным звоном деревни, запахом жарко вздыхающей земли и спелой антоновки, а, значит, с Андрюшей. Родители его приехали в отпуск и на толкучке купили подержанный велосипед «взрослик». Дети на пару без усталости гоняли вверх-вниз по грунтовой улице, учились кататься, периодически заваливаясь то в жирную пыльную лебеду у магазина, то в высокую полынь у озера. Только и успевала Бабаня замазывать зелёнкой ободранные локти и колени, да ворчала:

– Чумовые, от чумовые, что дети, что родители! Купили баловство мне на беду, того и гляди шею свернут.

Сворачивать себе они ничего не собирались. С утра отработывали повинность на огороде, продёргивали морковь, пололи грядки. Злата непременно тянула время, ждала – Андрюша закончит свою и на корточках поползёт навстречу. Потом седлали велик и вскачь пускались по деревенским колдобинам, до синяков отбивая попу. С визгом уносили ноги и колёса от заливающихся вслед дворняг или шипящих длинношеих гусakov. К вечеру отмытые и отъезтые залезали на полати.

На кухне собирались местные певуны, выпивали домашней наливочки и душевно затягивали глубокими голосами:

– И тако-ой на небе ме-есяц

Хоть иголки подбира-ай....

Под эту колыбельную Злата с Андрюшей шептались, пока язык ворочался, и обессиленные проваливались в сон. Лёгкий ветерок от распахнутого настежь окна тормозил льняные шторы, поддувал ночной прохладой, наполняя бескрайним счастьем цветные детские сны.

Во время летнего балбесничанья желание рисовать вылетало напрочь, а вместе с ним и наработанные в школьном кружке навыки. Иногда она порывалась что-то начать, но, кроме как разложиться во дворе с художественными причиндалами, ничего не получалось. То коза отвязалась, то куры пролезли через дырку в сетке-рабице, то невесть откуда прилетела бабочка с таинственным названием махаон. Вот её-то как раз очень хочется нарисовать, но для этого нужно сначала поймать. Пока ловили, нашли первые покрасневшие помидоры, а они так и просятся, чтобы их оборвали и съели. Бесконечная каникулярная круговерть кипела, неслась во весь опор, уйма деревенских забот не оставляла времени на любимое занятие.

К тому же, в десять лет у Андрюши проснулся лекарский дар. С чего вдруг сия божья милость спустилась на него – неизвестно, в роду к медицине близко никто не подходил и даже не дышал в её сторону. Если только в городскую аптеку зайти, да медичка Настасья рыхлое ангинное горло посмотрит.

В школьной библиотеке ему случайно попала на глаза книга «Справочник врача скорой и неотложной помощи». Невзрачная, в белом переплёте, с хрустящими ещё страницами. По всей вероятности, сроду никому не нужная, а вот Андрюше понадобилась позарез. Открыл однажды и утонул в плюснах, предплюснах, переломах и ушибах. Принялся лечить всех подряд – обеих бабок, кошек, собак, птиц, Злату. Она и стала его первым анатомическим манекеном и тренажёром для отработки наложения повязок. Все бинты в обоих домах поизвёл, то руку сестрёнке до плеча замотает, то ногу упакует по самый пах. Бабаня в первый раз как увидела на Злате белый марлевый чулок, чуть в обморок не сползла. Покачнулась и тяжело присела на табуретку, бессильно свесив руки с болтающейся поварёшкой.

– Чтой-то с тобой? – только и смогла продавить, с ужасом глядя на ковыляющую на несгибаемой ноге внучку.

– Андрюша двойной перелом зафсик... засикфи... р-ровал.

- К-какой перелом?
- Двой-ной! Бедро и колена... коленастопа, вот.
- А ну, иди сюда.

Бабаня потянула её за руку, поварёшка накренилась и бордово-масляный шлепок впечатался в домотканую дорожку, мгновенно расплзаясь в тёмное пятно.

– Ба, ну как маленькая! Аккуратно надо, не руки, а крюки, – укоризненно покачала головой Злата, в точности передавая бабкины слова и манеру разговора, и распорядилась: – Компотику нам и печеньица, руку ещё лечить будем.

– До инфаркта доведёте со своими хворобами, – утомлённо вздохнула Бабаня, подбирая с пола ошметки варёной капусты. – Никакого печеньица, доктора своего зови, обедать будем.

С животными сложнее. Соседский кот с обмороженными ушами повадился женихаться к Муське. Гроза окрестных кошаков, разбойник этот бросался в драку с потенциальными уха-жёрами, отстаивая право на лапу и сердце зазнобы. Частенько рычащий и визжащий клубок катался в Бабанином дворе, котяра в кровь бился, бывало и сам огребал, но к пятнистой возлюбленной не подпускал никого. После недавней отчаянной стычки хромал на заднюю ногу, однако регулярно выныривал между потемневшими штакетинами забора. Его-то дети и поджидали, чтобы исцелить. Место засады облюбовали в зарослях величественной мальвы. Полдня отсидели среди выброшенных стрел с лиловыми, розовыми и белыми розетками. Обрывали цветы, слюнявили лепестки, клеили их на нос, на лоб, от запыленных шершавых листьев голые руки и ноги чесались нестерпимо, да и солнце жарило так, хоть блины на макушках пеки. Но пациента подкараулили и со всего маху накрыли старой Бабаниной курткой. Кот оказался бывалым, лечиться не хотел ни в какую, благим матом орал, брыкался, норовил улизнуть от медицинских процедур, но Андрюша крепко прижимал его к себе, а куртка и не такое на своём веку повидала.

– Сдох? – с тревогой спросила Злата, когда пациент подозрительно затих.

Доктор вручил ей спеленатого кота и осторожно сунул руку внутрь, за что и был незамедлительно оцарапан.

– Крепче держи! – рявкнул он, выживая из недр куртки лапу с выпущенными когтями.

Перетрусившая ассистентка что есть мочи сдавила живой кулёк, пока Андрюша решительно накладывал повязку и шину из палочки. Еле успел, обезумевшая животина издала дикий вопль, выгнулась всем телом и опрометью рванула, спасая оставшиеся ноги. Видимо, кошачья любовь отошла на второй план, пациент на трёх лапах сиганул в кусты и скрылся на соседской стороне, волоча за собой белую культю. Кто уж потом её сдёрнул – неизвестно, но кот исчез на несколько дней, а когда объявился, то резво вышагивал на всех четырёх, вальяжно размахивая пушистым хвостом.

Андрюшины навыки в области медицины подкреплялись постоянной практикой. Оттачивались, шлифовались и, на удивление, к тринадцати годам он стал местным светилом в области хирургии, помогал в медпункте. Спокойно, основательно, без боязни и отвращения оказывал первую помощь односельчанам, уверенной рукой обрабатывал раны, перевязывал. Однажды во время уборочной у комбайнёра рука попала в молотилку, председательский сын Серёга влетел во двор с криками:

- Андрюха где?
- Чтой-то как заполошный? – спросила Бабаня, от мух завешивая дверь старым тюлем.
- Батя зовёт, там Макарова перерубило! Кровищ-щи!
- Осссподи... Беда-то какая! А Настасья где?
- В Туле, за медикаментами уехала. У хахаля, видать, заночует.
- Ты-то куда лезешь? Грамотей!
- Не-е, батя сказал, магюкается. Так Андрюха где?
- Да на озере, поди, где ещё быть.

До приезда скорой Андрюша оставался рядом с пострадавшим. Аккуратно выровнял на подложенной доске повреждённую конечность, остановил кровотечение, умело затянув жгут. Ослаблял его, бдительно контролировал кровообращение и подбадривал посеревшего комбайнёра:

– Потерпите чуть-чуть, дядь Вась. Знаете, какие в медицине сложные случаи бывали? По кусочкам кости собирали, а у вас-то ничего страшного. Сейчас загипсуют и будет как новенькая.

Председатель сельсовета теребил в руках кепку да растерянно перетаптывался на месте, глухо бормоча:

– А если посинеет? Что тогда, а?.. Ребятишек у Васьки трое, без руки никак нельзя. Ты, Андрюх, того-этого... Хужей чтоб не стало, гляди.

– Да не волнуйтесь, дядь Петь, полчаса ещё не прошло, – невозмутимо ответил Андрюша, в душе исходя страхом за настоящего пациента.

Пожилой врач со скорой оценил первую помощь и уважительно сказал:

– Ты, брат, не правнук Пирогова, случаем? Грамотно сработал, не придраться.

Сарафанное радио новость о происшествии разнесло быстро. Деревенские, кто не в поле, столпились у правления как на митинг. Давно перестали всем селом собираться, а тут такое событие! Перестроечная неразбериха, крах привычной системы, смена эпохи на фоне очередной денежной реформы – всё это на простых людях отразилось возрождением принципа «моя хата с краю». Растревоженный улей гудел, приплетая всё подряд, без разбору: Ельцина с Горбачёвым, сгоревшие деньги, гречку, которую сами выращивали всю жизнь, а теперь стоящую пол зарплаты за килограмм. Доллары, миллионы, инфляция – словами этими уже владели виртуозно, к месту и не к месту высказывая собственное мнение.

Злату, в силу возраста, непонятные споры озлобленных людей не интересовали. Замирая от волнения, ждала, когда выйдет Андрюша. Измаялась, исстрадалась, столько дум передумала. С Макаровскими детьми погодками они дружили, папу их жалко было, сможет ли брат спасти его от смерти? Почему-то именно так и представлялось – дядя Вася лежит неестественно бледный, а Андрюша делает ему искусственное дыхание. Вот с силой разжимает дяди Васины челюсти, щётка пшеничных усов топорщится, мешает, но Андрюша геройски набирает полную грудь воздуха и выдыхает больному в рот. Ах, да – ещё зажимает ему нос для герметичности. Теорию юный доктор знал хорошо, сто раз устно сдавал экзамен Злате. Она сверяла его ответы с книгой, а он никогда не ошибался, но практических занятий по реанимационным мероприятиям ни разу не было.

От переживаний в тревоге заходило сердечко, руки нервно метались, не находя себе места, ногти незаметно изгрызались под корень. Подъехала скорая, через короткое время на крыльце появился на своих двоих дядя Вася с перемотанной рукой. Злата шумно всхлипнула – спас! Это Андрюша его спас! Он вышел вместе с толстеньким врачом и разговаривал с ним на равных, потом тот пожал ему руку, крепко, по-мужски.

Исчезло всё: толпа, лето, волнение, катаклизмы в стране. Злата во все глаза смотрела на брата и ничего не соображала, кроме того, что вот этот белобрысый, самый лучший, уверенный, спасающий людей уставший мальчик – её Андрюша. Только она знает все до одной его веснушки, обе макушки, закрученные в разные стороны, крошечную тёмную родинку под правой лопаткой. Знает, что вишню он обожает в любом виде, а когда «бомбочкой» с мостков прыгает в озеро, подтягивает колени к подбородку и прижимает их руками не просто так, как все пацаны, а группируется. Сам так сказал, специально делает, десантником хочет быть. Внезапное осознание придавило, испугало, ошеломило. Отстранённо слышала выкрики – молодец, Андрейка! Доктор наш, настоящий доктор!

Смущённый, он подошёл к Злате, взял её за руку и снова стал обычным братом, возбуждённо зашептал:

– Пошли домой. Врач сказал, я правнук Пирогова, представь?

– Кто это?

– Хирург знаменитый, он первый гипсовую повязку наложил.

– А-а...

– Солдат от ампутации спасал. И я...

Дальше она не слушала. Неожиданное чувство замерло глубоко-глубоко, вскользь царапнув по душе незнакомым доселе смятением. Непомерная гордость за Андрюшу захлестнула, затопила, благоразумно скрыв под собой сумбур первой подростковой влюблённости. Злата вышагивала рядом с братом, высоко вздёрнув подбородок, и с величием императрицы кивала встречным и поперечным:

– Здрась-ьте! А Андрюша дядь Васю спас!

– Ты чего? – шикнул было тот, но справедливые похвалы соседей оказались настолько приятными, что он примолк и сиял как начищенный до блеска тульский самовар.

Глава пятая

Деревня... Кормилица-деревня, она стала не только первой ступенькой в Андрюшиной медицинской карьере, но и позволила выжить в девяностых. Шоковая терапия по науке ударила наотмашь, целая система, ранее финансируемая государством, ни о каком хозрасчёте и знать не знала. Папино НИИ умирало, разработки свернули и зарплату не платили по несколько месяцев. Картошка да Бабанина консервация – основное питание в то время. Цены как с цепи сорвались и взлетели ввысь, на несколько порядков превышая доходы граждан. Страна билась в припадках частной торговли, торговали чем угодно и повсюду. Обнищавшие люди пытались заработать хоть какие-то деньги, сплочённо, плечом к плечу, стояли у Большого театра, Детского мира, у станций метро, впахивая свой товар. На таких стихийных рынках дефицит, который раньше доставали только по благу, свободно можно было купить с рук за бешеные деньги. Бабульки продавали какое-то тряпье, заезжие торгаши из независимых теперь республик связки колбасы, сало, гирлянды сосисок. Проповедники, самопровозглашённые мессии, колдуны полезли со всех щелей как тараканы, задуривая людям головы. Шлюхи, бандюки, гопники – всплывшей на поверхность мутной пены было предостаточно.

Папа строго-настрого запретил Злате одной ездить по опасной Москве. Дом пионеров на 2-й Фрунзенской, куда она ходила пятый год, держался за счёт энтузиастов. Пока занималась, баба Рая отиралась по маленьким рынкам, пристраивала перекупщикам деревенские продукты. Предприниматель из неё вышел хоть куда, никакими основами маркетинга и менеджмента она не владела, тогда и слов таких не знали. Без всякого высшего образования бизнес-леди баба Рая могла договориться с кем угодно, выторговать цену повыше, за счёт этих доходов семья и жила.

Папа расстраивался, всё меньше занимался дочерью, всё больше мрачнел и возвращался домой за полночь. Не до живописи было, денег-то с гулькин нос и те с материного хозяйства. Единственное, за продуктами в деревню наведывались все вместе, усаживались в «копейку» и для Златы наступал праздник. Только там и оставался привычный мир без толп хмурого народа, грязных улиц с летающими коробками и обрывками газет, заплёванными и загаженными площадями. Ездили к Бабане всегда с ночёвкой и Злата с Андрюшей болтали до утра. Родители его, честным трудом заработавшие свой длинный рубль, до денежной реформы успели купить две кооперативные квартиры в Печатниках, благополучно их сдали и вернулись на север пересидеть лихолетье. Сын так и остался с бабкой. Эти короткие встречи-свидания как проблесковые маячки в серой обречённости, в которой жила Злата. Тогда же вопросы о матери всколыхнулись с новой силой и назойливо лезли в голову. Как-то за ужином она спросила папу:

– А мама теперь приедет?

Он нахмурился, смотрел на неё долго, затем встал из-за стола и сказал:

– Не сейчас, Солнышко. Видишь, какая обстановка? Страна рушится.

Больше не приставала. Дурочкой не была, но почему-то верила – мама делает всё возможное, чтобы вернуть прежнюю жизнь для всех. Установка, давным-давно обозначенная отцом, ещё срабатывала. Читала Злата всегда много, папа приучил к запойному чтению, а библиотека от дедули досталась солидная. Плюс у Алёнки, одноклассницы, отец привёз из загранки «видак» и с «бондианой» она уже познакомилась.

Новый образ матери вырос на основе питательной смеси из американских фильмов, искусства и полёта фантазии, неиспорченной достижениями западной цивилизации. Злата представляла необыкновенной красоты и изящества женщину с лёгким изгибом губ, взглядом, замешанном на гордости римской патрицианки и чувственности русских красавиц с портретов Маковского. Это она, мама, так кокетливо взмахнула ножкой, отстреливая туфелькой притаив-

шегоса в кустах поклонника на «Качелях» Фрагонара. И мать, с кротостью Мадонны принимающая отеческий поцелуй на парящей букетно-синей прозрачной ночи Шагала. Недостигаемый космос, тайна за семью печатями, куда вход был замурован. Отец с дотошностью ответственного строителя зацементировал малейшие щели, через которые могла просочиться правда о матери. Ни писем, никаких упоминаний, одна свадебная фотография. Рослый, широкоплечий папа с белокурой вихрами. Чёрный костюм на нём кажется тесноватым, от этого он выглядит напряжённым, серьёзным, глаза неестественно вытаращены как от вспышки. Мама, наоборот, тоненькая берёзка, одна рука в белой перчатке выглядывает из-под папиного локтя, в другой тяжёлая охапка алых гладиолусов. Такое впечатление, если она не будет держаться за папу, то громоздкий букет перевесит и опрокинет её в противоположную сторону. Широкополая шляпа с вуалью скрывает верхнюю часть лица, но надменно поджатые губы выдают своенравный характер невесты.

По большому счёту, Злата от матери отвыкла, думала о ней только когда Андрюша был далеко и она грустила. Цеплялась за смутные воспоминания и сочинила свою легенду. Мама – этакий русский агент 007 в юбке, Джеймс Бонд, Штирлиц и Мата Хари в одном лице. Обворожительной улыбкой пленяющая сильных мира сего, проникающая в закулисы политических интриг с единственной целью – вывести коварные замыслы врагов России, а раньше СССР, и передать их в центр. Зашифровать и отстучать как радистка Кэт и снова с головой ринуться добывать разведданные.

Злата заметно выросла в художке, изменив стиль живописи. Преподаватели сравнивали её с Бертой Моризо: порывистые похожие мазки, расплывчатость силуэтов, фигуры словно растворяются в дымке красок.

– Всё зыбкое, летучее, понимаешь? – убеждённо сказала она Андрюше.

Они сидели на Бабаниной кухне. За окном заунывно пела метель, швыряла охапками снега в узорчатое окно, гремела, хлопала жестяными листами на крыше, но дома было тепло и уютно. Нет ничего лучше, чем сидеть рядышком, ладонями обнимать большие кружки с горячим чаем и болтать обо всём. Можно повернуть голову на мгновение и поймать разноцветный перепляс ёлочных огней в зале, вполуха слушать, как Бабаня негромко стучит спицами, а из телевизора чопорно доносится: «Лауреат «Песни года...»».

– И люди?

– Конечно! Знаешь как? Они мягко, плавно перетекают из одного состояния в другое.

– Жизнь и смерть слишком полярны, – возразил Андрюша, она засмеялась: – Нет, это ты слишком приземлённый. У тебя два варианта: отрезать или пришить.

– Не только. Можно ещё сломанное починить.

– Да помню я, помню, и рану гнойную вычистить и швы наложить. Вот что ты тут сидишь? В Москве бы уже на курсы какие-нибудь ходил.

– А мне здесь нравится, у меня тут практика, – сказал Андрюша, а Злата загордилась им ещё больше.

Неожиданно жизнь изменилась в лучшую сторону откуда совсем не ждали. Сначала работу Златы отправили на международный детский конкурс, где она заняла второе место, а затем опубликовали в журнале «Юный художник». Её лучшая картина, трудилась над ней самозабвенно, выкладывая на холст нежные романтические чувства. Московский парк в буйстве осенних красок, природа ещё не увяла и купается в оранжевом сиянии низкого солнца, две фигуры, держась за руки, уходят вдаль по усыпанной листьями дорожке. Картина сочная, яркая, пронизанная внутренним светом, выполнена маслом короткими мазками её любимым мастихином. С тыльной стороны твёрдой рукой вывела – «Солнце рыжего цвета», Москва, Воронкова Злата, 1995 г.

И понеслось, полетело: Золотая девочка, новое поколение русских импрессионистов, юная москвичка покоряет Европу. И только Андрюша знал истоки такой манеры. Изольда Пав-

ловна, с её размашистыми танцующими движениями рук у мольберта оказала настолько сильное влияние, что стала и фундаментом и мерилем в искусстве. Вместе с несвойственной подросткам философией об исчезновении людей за чертой невозврата, это образовало тот чудный сплав, собственный стиль Золотой девочки, о котором говорили и писали.

Эпитеты обрушились щедрой манной, кроме внезапной славы принеся и первые деньги. Один из новоявленных богатеев предложил за картину целых триста долларов, баснословная сумма по тем временам. В его кабинет на Басманной Злата пришла вместе с отцом, прижимая к себе художественную папку. Взволнованный отец не знал как вести себя с приглашенным, толстым дядькой с отвисшей губой. Он восседал за большим столом под российским флагом и двумя гербами. Покупатель одышливо поднялся навстречу и снизошёл лично потрепать гения по голове. Неприятно, ещё противнее стало, когда он снисходительно протянул папе пухлую руку с массивной печаткой на сарделечных пальцах и церемонно сказал:

– Московский дворянин Аксёнов Лев Эдуардович.

Белая рубаха его натянулась на толстом брюхе, перехваченном ремнём посередине. Верхняя часть оказалась намного больше и угрожающе нависала над нижней. Здоровяк папа, видимо, от смущения не рассчитал силу рукопожатия. Московский дворянин поморщился, затем потёр руку и провёл ею по прилизанным чёрным волосам. Папа смешался ещё больше и торопливо всучил завёрнутую картину. Лев Эдуардович развернул её, удовлетворённо кивнул и спросил как торговку на рынке:

– Что ещё, хозяйюшка, продаёте?

Злате стало жаль своих работ неприятному типу, но пересилила себя и положила раскрытую папку на стол. Дворянин двумя пальцами небрежно перебрал акварели как грязное тряпье, причмокнул губами и сказал:

– М-да... Если будет ещё что-нибудь как «Солнце», приносите. Кто-то же должен открывать таланты в новой России.

Он громогласно расхохотался, снова погладил Злату по голове, как бедную сиротку, и вручил папе деньги.

– На личинку майского жука похож. В деревне таких навалом за сараем на навозной куче, – сказала она, когда вышли на улицу. Папа засмеялся: – Тонко подметила, сейчас этих насекомых развелось всех мастей. Не обращай внимания, дочь. Самое главное, за твои картины люди готовы платить.

– Так он же ничего не понимает!

– А ему зачем? Это называется инвестиции, на много лет вперёд капиталы формирует. Кто-то ему шепнул, что ты будущий Дега или Мане, он и поспешил. Жалко картину, если бы не деньги....

– Да я тебе сто штук нарисую!

– Конечно, только эта первая.

Отметили событие в Макдональдсе, Злата упросила. Многие одноклассники с пренебрежительностью козыряли походами в микро-Америку и ей тоже хотелось, просто до ужаса. Впервые в жизни попробовали гамбургер и картошку фри в бумажной упаковке, с изумлением смотрели на улыбчивый персонал в униформе, так не вязавшийся с нашими прибитыми жизнью грубыми тётками за прилавком. Принесли и бабе Рае домой, та попробовала, скривилась и сказала:

– О-о!.. Добра-то! Была бы корова да курочка – сварит и дурочка. Не велика наука, коли продукты есть.

Деньги эти помогли дотянуть до переломного момента. Как-то папа пришёл домой радостный, схватил дочь, взвалил на горбушку и закружился по залу, напевая:

– Всё хорошо, прекрасная маркиза! Всё хорошо, всё хорошо!

Она визжала, хохотала и была в сто крат счастливее отца, видя его в таком настроении. Причину не знала, но в доме появились деньги. Коробка от бритвы, в ней открыто лежали новенькие купюры, не иссякала как прежде и пополнялась папой регулярно. Хоть и бурчала баба Рая, в Макдональдс теперь ходили частенько, а походы в самое крутое кафе-мороженое «Баскин Роббинс» стали неотъемлемой частью воскресенья. И в деревню гостинцы возить стали, да все в ярких заграничных упаковках. Бабаня руками всплёскивала и прятала в сервант, берегла. Андрюше на день рождения они подарили пейджер, в жизнь пришла эра сообщений, декорируя её трогательной короткой росписью: «Добренько утречко, Рыжуха!», «Спокушки, Андрюшка»!

Глава шестая

Экзамены за седьмой класс Злата сдала «на ура», не уделяя им особого внимания. Краснопресненская художественная школа, в которую когда-то не прошла по конкурсу, теперь сама приглашала пополнить ряды юных дарований. Помимо этого, две её картины приобрёл коммерческий банк, в то время они выросли как сорняки, и она поставила себе задачу: за лето писать как можно больше и заработать денег. Амбиции обуревали здоровые и честолюбивые – после окончания школы поступить в институт имени Сурикова.

На такой мажорной ноте Злата собрала пожитки, по традиции перебирались на лето в деревню. Папа должен был поменять баксы, он приносил их в пухленьких конвертах, даже маленький сейф купил. Прятал туда и говорил радостно: «на жизнь да на булавки». Прождали его до вечера, он вихрем влетел в дом, сунул по пачке денег Злате и бабе Рае, чмокнул дочь в нос и сказал:

– То ли ещё будет!

– Папка, обожаю тебя! – воскликнула она, обалдев от огромности суммы, и повисла у него на шее.

– Солнышко, с Бабаней поделись, – засмеялся отец, подхватил вещи и понеслись на Курский вокзал. Успели на последнюю электричку. Приехали затемно, а утром Злата поднялась и первым делом нанесла боевую раскраску. Американскую палетку на тридцать два цвета купила у Алёнки. Что для художника создать креативный образ? Да ерунда, как нечего делать, и она широкой кистью нанесла зелёные тени, чёрным карандашом подвела глаза, ресницы превратила в опахала. Губы жирно обвела коричневой помадой, помусолила их, выпятила вперёд, посмотрела – отпадно! С трудом пригладила непослушные локоны, собрала в высокий хвост на макушке, в нескольких местах перехватила цветными резинками. Натянула серую короткую юбочку и чёрный топик с принтом на тонких ляпочках, огляделась ещё раз – Андрюша офигеет!

Выплыла на кухню с ног до головы крутой московской штучкой. Баб Мане, видимо, не с кем было посплетничать, она притащилась пораньше и обе бабки гоняли чай.

– Здрась-ьте! Баб Мань, Андрюшка спит?

– Чур меня, на кого похожая? – спросила та, а затем ехидненько так: – Не ты, случаем, в «Спид-инфо» на обложке? Свисток-то намазала!

– Не я, – фыркнула Злата и отвернулась, связываться с бабкой не хотелось.

– Ладно тебе, – осадил сестру Бабаня. – Зачем такое непотребство читаешь?

– Да я ничего, просто так. Спит ещё, что ему делать-то?

– А-а, разбужу тогда, – кинула Злата и направилась к выходу.

– Поешь сначала, – вдогонку сказала Бабаня.

– Не-е, потом, с Андрюшкой.

Она вышла во двор и потянулась, глубоко вдохнув сладкий утренний воздух. Слепящее желтоватое солнце припекало, разбрызгивая повсюду ленивую деревенскую дрёму. Солнечные веснушки пробились сквозь листву старой вишни и обсыпали сарай. Возле него деловито разгуливали пёстрые куры и перламутрово-зелёные индоутки. Всё близкое и родное, целое лето впереди, столько планов и Андрюша рядом. А прямо перед глазами «Ирисы» Ван Гога, его она очень любила. Фиолетово-голубые, они густо тянулись вдоль сетки-рабицы, лоснились арлекинскими нарядами в окружении остроконечных листьев. И нужно бы сделать набросок, чтобы не упустить этот мягкий прозрачный свет над цветочными коронами.

Злата ступила назад в сенцы и услышала скрипучий голос бабы Мани:

– Да в ихней Москве все такие. Видала в «Спид-инфо», голые задницы отклячут, секси называются.

– А те заняться-то и нечем, – осуждающе сказала Бабаня. – Тьфу ты, осссподи, только деньги переводишь.

– Вот ещё! Гвоздкова даёт почитать, у ей дети покупают. А там девки без трусов сидят раскоряченные. Добро своё напоказ выставят, а сами раскрашенные как Златка. Срамота одна, шалавы.

– Да наша-то при чём?

– При том. Им не семьи и дети нужны, только бы , – баб Маня заматерилась. – Что и говорить, яблоня от яблони недалеко падает, или народная мудрость тоже не работает? У нас же всё теперь другое – и страна, и деньги, и пословицы.

– Чего плетёшь-то? Всё собрала, – возразила Бабаня и вздохнула: – Ребёнка хоть не тронь.

– Да я-то ничего, а шалава она и есть шалава. Коли мать такая, то и дочь.

Злата пошатнулась и навалилась на выкрашенную деревянную стену. Онемела, оглохла от монотонных ударов в ушах. Стыд нестерпимым жаром опалил от макушки до пяток, лоб покрылся испариной. Ничегошеньки не осознавала, развернулась, по лицу царапнула связка сушёного чабреца. Руками нащупала выход и пошла, не видя ни дороги, ни препятствий, как лунатик. Ткнулась грудью в железную калитку, нагретый металл обжёг голое тело над топиком. Отворила и побрела вниз по улице еле передвигая ноги на платформах, задавленная ужасом, многолетним враньём и предательством близких людей. И только внутренний камертон дребезжал на высоких нотах – ша-ла-ва, ша-ла-ва....

Туманным видением проплывали мимо дома с ухоженными палисадниками, какая-то дворняга выскочила облаять, но быстро захлебнулась, споткнувшись о стену невосприятия. Злата доплелась до озера, прошла по тёмным, скрипучим мосткам и шагнула в глянцево-серое зеркало воды. Ушла с головой, тело обдало прохладой, оно мгновенно покрылось мурашками. Медленно развернулась на спину и бессмысленным взглядом уставилась в яркое небо, переёркнутое белой самолётной линией.

Озеро живописное, в окружении скорбных ив, в зарослях камыша и осоки у воды и пыльной полыни поверху. Особенно красиво, когда кувшинки зацветают, сказочная одолень – трава. Сколько раз бегали рано поутру, ещё затемно, смотреть, как выныривают тугие шишечки бутонов. Первые солнечные лучи коснутся поверхности и они разворачиваются в нежные жёлтые розетки.

У берега не так глубоко, плавать умели, но дети на середину без взрослых побаивались, рискованно: молва гласила – водяной утянет или русалка, хозяйка кувшинок. Скорее, так ребятню отпугивали, но местные поверья знали с малолетства. Десятилетиями утрамбованный пятак у прогнивших мостков служил пляжем, деревенские загорали здесь дочерна ничуть не хуже чем на курортах. Старшие, как правило, подтягивались к вечеру. Кто-то просто усаживался на взгорочке, перекидываясь последними новостями в политике, другие резвились в воде с детворой, некоторые рисовались и короткими саженками отмахивали на другую сторону и обратно. Сейчас было пустынно, только мерный плеск воды у лица, да вялые привычные движения рук и ног. Ни мыслей, ни слёз, ни злости. Ничего, одно гнетущее отупение.

В следующую секунду правую ногу свело судорогой, Злата попробовала встать, но дна не почувствовала и снова окунулась с головой, от испуга нахлебавшись вволю. Грудь сдавило, икроножная мышца закаменела и выворачивала так, словно её выдергивали с законного места. Злата вынырнула на поверхность, шумно хватанула ртом воздух и снова вниз, в муть, в темноту, в холод. «Водяной, водяной тянет...». От страха руки не слушались, она молотила и молотила по воде нещадно, но намокшая одежда и тяжёлая платформа тащили вниз. Мозг безотчётно подмечал колебания воды, разлетающиеся брызги и синие проблески над головой. Ещё вдох, вода лётся через нос, давит на перегородку, заполняет собой всё и режет глаза. Цыплёнок, давно забытый утонувший комочек вспомнился сейчас, промелькнул белёсой плёнкой бусинок и тут же исчез, рассеялся в этой борьбе за жизнь. Задирая лицо вверх, Злата силилась

дотянуться туда, где напоенный травами воздух, высокое небо и лето на двоих. Озеро, известное вдоль и поперёк, как обезумело, безжалостно затягивало в глубину, обещая благодатный покой от жизненных потрясений. Барахталась отчаянно, но руки слабели, сдавались, подчиняясь воле водяного.

Боль миллионами иголок пронзила голову, заглушила ломоту в ноге, прояснила мозг. Злата вдруг поняла – её тянут, тащат прочь от тёмного омута. Не в силах пошевелиться, отогнать адскую пытку, закрыла глаза, отдаваясь во власть неизвестного спасателя. Кашляла, фырчала носом, прочищая лёгкие. На мелкоте знакомые жилистые руки подхватили подмышками и волоком втащили на берег.

Оба ничком распластались на траве, тяжело дышали, соприкасаясь мокрыми телами. Выбившиеся волосы паутиной оплели шею, набились в рот, Злата сплёвывала их долго, совсем ослабев, чтобы помочь себе. Глубоко вдохнула чистый воздух, как захлебнулась этим вдохом, и вышептала Андрюше в самое ухо:

– Ш-шалава она....

– Кто-о?

– Мать... моя....

– Дура! Что болтаешь? – хрипло выкрикнул он и подскочил на колени.

Ещё не отошёл от страха, изнурённый, но уже понимающий – произошло что-то жуткое, невыносимое, выматывающее душу. С осторожностью потянул щуплое девичье плечо в бисеринках озёрной воды. Она повернулась на спину, такая беззащитная в этой боли. Чёрные разводы на лице, глаза, окаймлённые чем-то зелёным, совсем как утопленница из сказок. Безвольные руки и ноги сломанной куклы, выпирающие ключицы и неподвижный взгляд в небо. Пустота, мутная пустота в зрачках как у мёртвой.

– Баб Маня... я слышала. Сказала – если мать шалава, то и дочь.... А Бабаня – ре-ребёнка не тронь.... А сама... сама только вздохнула.

– Старухи!.. Слышь?.. Старухи! Баб Маня злая, всегда была злая! Да она меня вечно обзывает, поняла?

– Ша-ла-ва, ша-лааа-ва..., – шептала Злата, слёзы, наконец, нашли выход и медленно поползли к вискам.

Он дёрнул её за руку, рванул на себя и она поддалась. Уткнулась в его шею, заплакала безудержно и тягуче, полынно. Горьковато-терпкий запах вплетался в щенячьи подвывания, выливаясь в невыразимое ощущение огромного горя. Зубы её отстукивали дробью, звук этот отдавал у него в ушах, пугал, испытывал. Но он держал крепко, сжимал такую близкую девочонку, стыдясь первых порывов плоти.

– Чииии... чииии..., Рыжуха...., – только и бормотал, не зная, что делать и с собой и с этим бескрайним горем, с которым справиться в четырнадцать лет невыносимо.

И следующий ужас накатил волной – Женщина, с её вспухшей, ещё не оформленной грудью, с амфорным изгибом тела, так доверчиво прильнувшая к нему. Не сестрёнка и подружка детских игр и совместных шалостей, обманутая всеми Женщина, в своём первобытном желании найти защиту у сильного мужчины.

Стискивал Златкино тело в прилипшей одежде, прижимал к себе и задыхался от невозможности спрятать и защитить. Качал, баюкал, нашёптывал какие-то слова, вытягивал на себя эту неизбежную боль. Ладонями спеленал милое чумазое личико, смотрел в заплаканные глаза.

– Не верь! Слышь?.. Не верь!

Кивнула, а у самой подбородок трясётся по-детски, губы распухли, и сил никаких не было, чтобы устоять и не захватить их в плен. Поймать, раз и навсегда запечатать грязное слово, прерывисто вылетающее ему в лицо.

Оба замерли в страхе перед неизвестностью, робко скользнули навстречу друг другу, солёный вкус её мягких губ мгновенно опьянил, заставляя бешено колошматиться сердце.

Казалось, оно вот-вот проломит грудную клетку и выскочит наружу. Рук своих не чувствовал, дышал её дыханием, напуганным, бесконечно близким, дурманящим. В висках стучало молоточками, Андрюша с осторожностью притянул Златкину голову. Несмелая нежность наплевала на социальные условности и отвоёвывала право на жизнь у норм морали, беспощадно толкала в объятия взрослой любви. В целом свете исчезло всё, оставив наедине двух оглушённых подростков. И не было ничего правильнее и надёжнее этого первого поцелуя.

– Дурак!.. Ты брат, брат!

Злата всхлипнула, с силой оттолкнула его и вывернулась из рук. Проворно вскочила, но поскользнулась и грохнулась со всего маху.

– Дурак! – взвизгнула и беспомощно поползла вперёд. Наконец, поднялась и со всех ног припустила по дороге. Опустошённый, до крови закусивший губу, Андрюша остался стоять на коленях в жарких лучах июньского солнца. Не замечал, как две блестящие стрекозы переливались слюдяными крылышками, кружились в беспечной пляске у мокрого лица.

Так закончилось детство с его запахом полыни, свободы и лета.

Глава седьмая

Зарёванная, потерянная Злата влетела в дом и с разбегу врезалась в Бабаню, обувающую шлёпанцы в сенцах.

– Осссподи!.. Чтой-то с тобой?

– Уйди!.. Ненавижу!

– Да случилось-то что?

Не на шутку перепуганная бабка схватила её за руку, пытаясь остановить. Злата развернулась, прищурила отёкшие глаза и выплюнула со злостью:

– Не знаешь, да?.. Где мать моя, не знаешь?

Бабаня враз обмякла, лицо постарело и потеряло румянец.

– Погоди, Златоч....

– Ну, только не ври! всю жизнь врёте, все!.. Шалава она, да?! Я всё слышала, всё!

– Да постой ты....

– Стою, стою.... Видишь, встала и стою!

– Ты неправильно....

– Да правильно я всё! Что, отца боишься, да? Сговорились?

– Папа тебе сам....

– Нету у меня никого, ни мамы, ни папы! – снова всхлипнула, выдернула руку и опрометью кинулась в спальню, хлопнув дверью. Как сквозь сон, обтёрла футболкой лицо, другую наспех натянула на себя. Рывком влетела в джинсы, сунула кошелек в карман и бегом назад. Бабаня перегородила собой двери, упираясь руками в косяк, и виновато спросила:

– Куда собралась?

– Никуда! Отойди!

– Не поедешь, отца дождись.

– Тайна, да?.. Секретик? – истерично выкрикнула Злата, брызнув слюной. – Не скажешь?

– Ну, не могу я...., – умоляюще протянула Бабаня, губы её страдальчески загнулись к низу. – Пожалуйста, Златочка....

– И я не могу!.. всю жизнь верила, всем верила! Не хочешь – не надо!

Развернулась и понеслась на кухню. Через стол вылезла в окно, по пути ободрала локоть и грохнула фарфоровую сахарницу. Пролетела через двор, на ходу пнула пустое пластмассовое ведёрко, распахнула калитку и рванула на станцию.

– Злата, постой!.. Златочка-а! – неслоь вслед, но она бежала, подгоняемая частыми ударами сердца. Глянула назад вполоборота, почему-то стало смешно – Бабаня ковыляла за ней как цветастая утка, тяжело переваливаясь с боку на бок, грузно семенила толстыми ногами. Спасительный мерный перестук электрички долетел из-за роши, в то же время голос за спиной захлебнулся: – Зла-ата-а! Зла....

Пересилила себя, обернулась – нелепая бесформенная куча ярким пятном выделялась посреди грунтовой дороги, халат задрался, выставляя напоказ голубые панталоны. Два пацана на великах остановились неподалёку в ожидании продолжения деревенского шоу. Первый порыв был повернуть назад и поднять, одёрнуть подол, спрятать от людских глаз дурацкие длинные трусы, но из баб Маниной калитки выскочил Андрюша и бросился ей на помощь. Он уже переоделся и теперь присел возле Бабани, о чём-то озабоченно спрашивал её, держа за руку. При виде него Злата опять заревела навзрыд. Заглатывала колючие комья в горле, постояла несколько секунд, навсегда запоминая эту картину. Опираясь на Андрюшу, бабка поднялась на одну ногу, неловко поправляя полы халата. Больше Злата не раздумывала и помчалась на электричку.

В один миг рухнуло всё, Везувий извергался не на древние Помпеи, горячий пепел и огненная лава погребали под собой Златкину жизнь. Непонятный мир взрослых с его коварством и жестокостью, извечными интригами и пороками обвалился на ещё детскую психику, и как выстоять в этом? Как принять его несовершенство, когда ты остаёшься с ним один на один? Что делать, если обида настолько глубока, что выплыть можно только той лягушкой, которая в скользком кувшине взбивает молоко в масло? Барахтаться из последних сил приспособливаясь, приноравливаясь. И никто во всей вселенной не подскажет, не объяснит, почему вдруг чёрное и белое поменялись местами, почему многолетняя ложь – это правильно, а правда не нужна, потому как неудобна. А ещё любовь.... Любовь, о которой читано – перечитано в книжках, она бы помогла смягчить удар, но вдруг оказалась запретной, невозможной. Полная голова мечущихся безответных мыслей, кажется, мозг вот-вот взорвётся. Угловатый, неоперившийся подросток лоб в лоб сталкивается с миром и изобретает собственный способ выживания – уход от реальности, агрессия, побег.

Сдохнуть бы. Но в четырнадцать лет жить хочется сильнее, чем сдохнуть. Толкотня Курского вокзала показалась настолько будничной и безопасной, что неожиданно Злата поняла – сейчас это самое спокойное место. Безразлично снующие люди с сумрачными лицами, «челноки» с гигантскими клетчатыми баулами, толпы народа у касс, забулдыги со слезящимися глазами – до неё никому нет дела. Затеряться в человеческой массе, спрятаться от всех, а самое главное – от страха услышать отцовские ответы на свои вопросы. Она постояла немного возле эскалатора, озираясь по сторонам и пытаясь упорядочить полнейший хаос в голове, подняла взгляд на табло – Москва-Адлер, отправление в 14-30. Сообразила, без взрослых билет ей вряд ли продадут, а при такой толкучке у кассы, скорее всего, их просто нет. А вот электрички для неё знакомы с детства. Какая разница, чем добираться к морю? Тот же поезд, только сидячий. Злата решительно развернулась и бегом влетела в метро.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.